

НИКИТА АНДРЕЕВ

ПИРАМИДА БОГОВ

Никита Андреев

Пирамиды богов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17713747
ISBN 9785447457747

Аннотация

Отставной разведчик-нелегал Лис смертельно болен. Он решает отыскать бывшего агента МИ-6 и поблагодарить за спасенную жизнь. Поиски вновь возвращают его к старому делу о пропаже странного артефакта – статуэтки истукана острова Пасхи, найденной в Великой пирамиде в Египте. Используя свой опыт, знание языков и искусство перевоплощения Лис решает разгадать вековую загадку. На его пути встает могущественная организация, жаждущая заполучить артефакт и поставить человечество на грань уничтожения.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	21
Глава 3	31
Глава 4	45
Глава 5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Пирамиды богов

Никита Андреев

© Никита Андреев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

02:38 — — —

02 февраля 1985г.

Гиза. Египет

Рауль Весге и Карл Смит стояли в Камере царицы, расположенной в самом центре Великой пирамиды. В руке Рауль держал единственный источник света – почерневшую от старости керосиновую лампу. От нагретого стекла исходило приятное тепло.

Карл подтянул свисавшую на боку сумку и принялся в ней яростно копошиться. Его клетчатые прямые штаны были высоко посажены на живот, отчего он больше походил на почтальона чем на археолога. Смахнув серым платком пот с лысеющей головы, Карл вытащил из сумки записную книжку. Рауль придвинул лампу ближе.

– Теперь я могу, наконец, узнать, что мы здесь делаем? – с нетерпением спросил Рауль.

Карл прошагал к стене и заглянул внутрь небольшой прямоугольной шахты на высоте одного метра от пола. Ее границы почернели от факелов многочисленных расхитителей гробниц, тысячелетиями пытавшихся отыскать сокровища фараонов. Шахта тянулась на несколько метров вглубь, а затем резко уходила высоко в неизвестность.

Карл вновь обратился к своим записям и с ухмылкой посмотрел на коллегу.

В тусклом свете лампы витала мелкая, как мука, пыль. От легких дуновений ветерка разлеталась по комнате, напоминая мошкарку, и оседала на лице, а кожа начинала неприятно зудиться. Рауль облизнул обсохшие губы и поморщился, почувствовав вкус известняка.

– Что мы пытаемся здесь найти? Может прояснишь наконец.

Карл укусил нижнюю губу, продолжая вглядываться в свои записи.

– Хм.

– Бога ради, мы стоим здесь уже второй час, – взорвался Рауль. – А ты мне и слова не сказал!

Во взгляде Карла через призму округлых запотевших очков читался укор. Рауль поджал губы, признав свою вину. Порой он просто не замечал, как переходил на крик, однако в этот раз, находясь в камере из известняка под миллионами тонн гранита, он и сам ощутил на своих перепонках мощный гул эха.

Раулю часто в жизни приходилось видеть укорительный взгляд собеседников, реагирующих на его громкий тон. Они ошибочно принимали это за агрессивный выпад и диалог быстро сходил на нет. Эта слабость стала причиной многих неудач в его жизни, в том числе на профессиональном поприще археологов, где он стал известен как чудаковатый псих, от которого лучше держаться подальше.

– Это оно, – Карл от волнения зашагал из стороны в сторону, не спуская глаз с отверстия шахты.

– Шахта тупик и ты это знаешь, как и вторая, – Рауль указал пальцем на противоположную стену, где также имелось аналогичное отверстие, – Только шахты в камере царя над нами выходят на поверхность для вентиляции.

Карл проигнорировал его слова. Он запустил руку в сумку и вытащил пачку сигарет.

– Только не это, мы же договаривались. Я здесь и так задыхаюсь.

Карл подкурил сигарету и сделал глубокую затяжку. Затем выпустил клуб дыма в отверстие.

Понаблюдав за последствиями, он с облегчением заключил:

– Шахта глухая. Подумай, зачем тратить такие усилия, чтобы сделать проход в тупик? Только если... – Карл салютовал фирменной широкой улыбкой. Белые как на подбор зубы казались нарисованными художником мультипликатором.

– Что? – не выдержал Рауль.

– Так я и думал. Шахта изначально строилась как вентиляционная, но затем кто-то ее замуровал снаружи.

Рауль подошел ближе на расстояние нескольких сантиметров от лица Карла. Из-за разницы в росте его губы оказались на уровне запотевшего лба коллеги.

– Либо ты мне рассказываешь, либо я сам тебя замурую в эту проклятую шахту.

Карл подмигнул левым глазом, протянул другу записную книжку с открытой страницей и начал рассказ.

Используя свои дружеские связи с руководством многих музеев мира, Карл Смит часто получал доступ в задворки, где в плотных непроницаемых ящиках хранились экспонаты по разным причинам, не нашедшие свое место в основных залах. Руководство музея порой просто не решалось выставить для мирского обозрения особые на их взгляд артефакты, опасаясь скандалов со стороны прессы, либо научного сообщества, любящих обвинить кого ни попадя в подтасовке исторических фактов и банальных фальсификациях. Решившись на отчаянный шаг, музеи часто оставались без драгоценных экспонатов, став жертвами особо мастеровитых воров. В итоге в профессиональной среде даже появились слухи о существовании секретной организации, ведущей контроль за публикациями и выставками сомнительного содержания. Слухи побудили многие музеи создать особо охраняемые хранилища, назвав их – музей внутри музея.

В одном из таких мест несколько недель назад Карл наткнулся на египетские свитки времен четвертой династии древнего царства. В них упоминался фараон Снофру, получивший в дар от богов величайшее сокровище. Таким образом, они наградили царя всех египтян могуществом самого бога Ра за мудрое многолетнее правление, ознаменовав скорое начало его пути в загробное царство.

Сама по себе история не имела бы никакого особого интереса, учитывая, что стены многочисленных храмов пестрили подобными религиозными сказаниями, где фараоны обожествляли себя, дуруя свой доверчивый народ. Но дальнейшие факты заставили Карла взволноваться не на шутку.

Текст гласил, что Снофру настолько перепугался силы, упавшего на него сокровища, что распорядился спрятать его так далеко, где «земной человек никогда не решиться искать».

Известно, что самым страшным преступлением для древних египтян было вторгнуться в мастабу. Так они называли гробницы фараонов времен раннего и древнего царства. Потребовать усыпальницу фараона означало навести на себя страшное проклятие, от которого не спрятаться даже в царстве мертвых.

Место указанное Снофру для погребения сокровища, называлось в свитке «Домом Ра», а изображенные на гравюрах рисунки, прямо указывали, что считал Снофру домом главного египетского бога. Месторасположение тайника указывалось в крайней из трех и самой большой пирамиде на плато Гиза, именуемой ныне – Великая пирамида.

Услышав последнюю фразу, у Рауля задрожали руки. Блики желтого света заиграли на коричневых стенах.

– Ты уверен, что правильно перевел картуш?

Карл, улыбаясь, кивнул. Он указал на скопированный ручкой рисунок картуши, в которой вписалось имя фараона.

– Создающий красоту, – перевел Рауль. – Снофру. Но это значит что...

У Рауля задрожали губы. Карл взял друга за плечи. Рауль принялся жадно хватать ртом воздух.

Карл расстегнул ему верхние пуговицы поношенной рубахи. Выхватив из его рук фонарь, усадил друга на пол, облокотив на стену.

– Эй, ты в порядке?

Рауль кивнул и сделал несколько глотков теплой воды из фляги.

– Не пугай меня так. Если помрешь, думаешь, я смогу дотащить такую тушу через узкий проход?

Рауль улыбнулся и плеснул водой из фляги Карлу в лицо. Тот успел отпрыгнуть от рассыпавшихся дождем брызг, заливаясь в хохоте.

Закончив рассматривать иероглифы и срисованные гравюры в записной книжке, Рауль поднял полный озадаченности взгляд на отверстие шахты.

– Ты кому-нибудь еще говорил об этом?

– Нет. Свитки в очень плохом состоянии, сомневаюсь, что их вообще изучали. В музее посчитали их подделкой.

– Потому что Хеопс – сын Снофру считается строителем первой пирамиды. А судя по гравюре, они существовали еще до его рождения.

– Дом Ра.

– Это не гробница, – Карл смотрел на свод крыши, нависающий над ними на высоте пятнадцати метров. – Мы были правы.

Рауль отложил в сторону записную книжку и прикоснулся ладонями к лицу.

– Я знал, я так и знал.

Карл поднес лампу к отверстию в стене и вгляделся в уходившую вверх шахту с черными от гари стенами.

– Если Снофру спрятал это в шахте, оно все еще здесь.

Собрав вещи, археологи выбрались наружу по длинному низкому коридору. Карл подшучивал над всем, что попадалось под руку, включая себя, назвавшись самым удобным археологом в мире, которому почти не приходится нагибаться в низких коридорах пирамид.

Снаружи обоих пронзил насквозь холодный зимний ветер.

Жители Гизы погрузились в глубокий сон. В безоблачном небе в рядом с бесчисленными песчинками звезд соседствовала полная, даже чересчур, луна. От примкнувшей к земле треугольной тени пирамиды веяло загадочностью не меньше, чем от ее прародительницы.

Вход располагался с северной стороне пирамиды. Археологам пришлось в максимальной тишине, пригнувшись, перебраться на южную сторону. Несмотря на внушительную взятку, уплаченную за возможность оказаться в пирамиде и поработать, ожидать от охраны можно было все что угодно. Карл не случайно выбрал ночь, так как в дневное время на плато не протолкнуться от навязчивых туристов и торговцев.

Добравшись до южной стороны, они остановились у здания музея, построенного несколько лет назад для выставки солнечной ладьи Фараона Хеопса. На ней по легенде царь должен был вознестись на небеса к богу Осирису. Видимо, это ему действительно удалось, так как тело в, якобы его, пирамиде так и не было найдено. Впрочем ни в одной другой пирамиде, также не нашли мумий, как и не единой надписи.

Рауль прикрылся шарфом от ветра, приносившим с собой обжигающий кожу песок.

В нескольких сотнях метрах на них глядела грань второй по размеру пирамиды Хафры. Огромный монумент по-царски располагался в самом центре на возвышенности. Казалось, в ночной темноте до него можно дотянуться рукой, чтобы смести песок с потертого временем камня.

Южная сторона Великой пирамиды выходила на площадку, тысячелетиями охраняемую холодным взглядом Сфинкса. Она освещалась прожекторами с обеих граней направленными к вершине.

Археологи переговаривались шепотом. Пока Рауль изучал записную книжку, Карл пробрался между зданием музея и каменным забором к заготовленному ранее тайнику. Внутри черного свертка, обмотанного накрепко веревкой, позванивали две кирки, лом и пара других полезных инструментов.

Рауль еще раз убедился в правильности перевода, так как хорошо знал, что Карл не был силен в чтении иероглифов.

Пришлось перепроверить и расположение вентиляционной шахты. Древние египтяне использовали ориентацию в пространстве по оси север – юг, связывая это с направлением течения священной реки Нил. В описании местоположения тайника, указывалась «лицевая часть» пирамиды, то есть наблюдатель должен смотреть по течению реки, а это означало направление на юг. Они на правильном пути.

Карл положил у ног инструменты и развязал свертки.

– Ты серьезно хочешь идти сейчас? – прошептал Рауль.

– Хм, нет давай лучше завтра, когда здесь будет куча народу.

– Нас могут увидеть. Может быть, стоит сообщить в каирский археологический центр? Они выделяют нам команду и мы сможем провести раскопки официально.

Карл положил руку Раулю на плечо и подвинулся ближе к его уху.

– Ты всю жизнь об этом мечтал – сделать настоящее открытие. Неужели ты так просто отдашь это каким-то бездарям зазнайкам? Да они смешают тебя с дерьмом. И не в первый раз причем.

Рауль взглянул на срубленный наконечник Великой пирамиды, разрушенный во время древнего землетрясения. От монумента исходила неисчерпаемая веками энергия. Словно вся история мира, все секреты вселенной собрались в одном месте – здесь, под сводом самой величественной постройки на планете. Тысячи лет императоры и шейхи безуспешно пытались отыскать сокровища пирамид и вот, сегодня этот шанс есть у него. Нужно только сделать шаг, нужно только перестать бояться.

Заметив уверенность, промелькнувшую во взгляде коллеги, Карл постучал его по плечу.

– На ее фоне мы не более чем муравьи. Охрана ничего не заметит. Так что смелей, друг мой.

Вручив Раулю кирку, Карл заставил коллегу бросить его вездесущий чемодан у подножия. Рауль нехотя согласился. К тому времени, когда они преодолели десятый ряд кладки, он уже был уверен, что решение оказалось правильным.

Подъем стал настоящим испытанием для его тела, а в первую очередь рук и коленей, которые он ободрал в кровь уже после двадцатого ряда. Они поднимались чуть левее от центральной оси пирамиды в затемнении между лучами двух прожекторов. С каждым подъемом высота очередного ряда камней уменьшалась, что было очень кстати из-за коченеющих от перенапряжения мышц.

Рауль несколько раз останавливался, чтобы передохнуть и посмотреть на раскинувшийся вдалеке город, светящийся миллионами огоньков. Кто бы мог подумать еще несколько часов назад, что он будет карабкаться на Великую пирамиду в поисках сокровищ.

Добравшись до сто первого ряда, Рауль, обессилив, прилег на камни. Выпускаемый с дыханием пар медленно таял на фоне никогда не спящих звезд.

Карл уже несколько минут дожидался друга и выглядел на удивление свежо, несмотря на свое сбитое телосложение. Он щепетильно осматривал стыки каменных блоков один за другим.

Согласно записям, Снофру приказал спрятать сокровище в южную вентиляционную шахту и замуровать проход на высоте сто первого пояса. Крестом, обозначавшим место кладки, должен был стать двести восемнадцатый блок. Учитывая, что египтяне записывали

цифры справа налево, Рауль предложил начать отсчет справа. Чтобы не терять времени Карл отправился на другую сторону.

Отсчитав нужный камень, Рауль осмотрел стыки. Засунул кирку между вышестоящим блоком и потянул на себя. Камень стоял намертво. Сделав еще несколько попыток, Рауль вынужденно признал, что блок никогда не вынимался отсюда после строительства.

Он бросил кирку и присел на засыпанный песком камень. Еще раз перечитал всю историю, изложенную Снофру. Зачем прятать, величайшее сокровище, чтобы его никто не нашел и открыто описать к нему путь?

– Эй! – Карл вернулся. – Ну что нашел?

– Не поддается.

Карл положил руки на бока и перемялся с ноги на ногу.

– Мой тоже. Может быть, не правильный перевод?

– Я проверил.

– Черт возьми! Я уже понадеялся.

Карл бросил кирку и лом на камни. Те громко прозвенели друг об друга и скатились на несколько рядов вниз.

– Зачем ты это? Нас услышат!

– Да и черт с ними. Мы все равно не сможем отыскать иголку в стоге сена.

– Хм.

Рауль резко привстал и почесал большим и указательным пальцем усы. Затем победно вскинул руки вверх и еще несколько секунд открыв рот смотрел на Карла.

– Мы с тобой считали не те камни.

Карл покрутил головой вокруг.

– Не та сторона?

– Сторона правильная. Те камни, которые отсчитывал Снофру, не существуют уже сотни лет.

Карл несколько секунд молчал, а затем воскликнул:

– Облицовка!

– Верхний слой заполняли полированные блоки из известняка. Местные растащили их для постройки домов еще в шестнадцатом веке.

Сияющая улыбка Карла быстро сошла на нет.

– Длина облицовочных блоков могла не совпадать с блоками внутренней кладки. Тайник может быть где угодно.

Они разделились и обошли окрестности. Внимательно осматривали каждый блок в ближайшем радиусе.

– Сюда! – Рауль стоял в десяти метрах, поднявшись на два ряда вверх. – смотри, этот блок явно перемещали, а стыки заделаны раствором.

Карл подобрал инструменты и уже через несколько секунд врезал кирку в цементированный стык. Глинистый раствор легко поддался. Вставив лом в отверстие, археологи вместе навалились на противоположную сторону. Блок сдвинулся на несколько сантиметров. Победно взвизгнув, они повторили усилия еще несколько раз, пока отверстие не стало достаточным, чтобы туда пролез человек.

Внутри был узкий лаз, замурованный мелким необработанным камнем на растворе. С помощью кирки они старательно разобрали стену, уходящую вглубь на десяток метров. В конце концов, проход сузился до ширины вентиляционной шахты, тянувшейся из камеры царицы.

– Матерь божья! – воскликнул Рауль. – Гляди.

Проход оказался закрыт миниатюрной дверцей из известняка с двумя медными ручками. За тысячи лет металл почернел и казалось, при малейшем воздействии рассыплется в прах.

Археологи смотрели друг другу в глаза, и в уме у обоих витал единственный вопрос. Карл улыбнулся и одобрительно стукнул друга по плечу. Рауль с благодарностью принял честь стать первооткрывателем и, вооружившись спичками, влез внутрь. Карл увязал ему ноги веревкой, чтобы вытянуть обратно.

Пробравшись как змея по узкому лазу, Рауль остановился у дверцы.

– Настоящий сейф, – с трудом проговорил Рауль. Узкий лаз не позволял ему вздохнуть глубоко. – Кажется, здесь что-то написано.

– Черт возьми. Я оставил сумку с кистями внизу, – посетовал Карл.

– У меня есть с собой. Самая счастливая.

Рауль достал из кармана куртки кисть. Почти половина ворсинок отсутствовала, а оставшиеся торчали в разные стороны подобно волосам посидевшей старухи. На мгновение он остановил взгляд на деревянной ручке, на которой когда-то выжиг дорогое сердцу имя жены.

Очистив поверхность дверцы от пыли, он зажег очередную спичку.

– Надписи красной хной. Не разобрать. Надеюсь, меня не постигнет участь первооткрывателей гробницы Тутанхамона.

Рауль потянул за ручки на себя и дверца со скрипом поддалась. Противоположная сторона тайника представляла собой аналогичную дверь с ручками в форме петель.

Между дверцами лежал сверток. Рауль попытался его сдвинуть, но тот был словно приклеен.

– Ну что там?

– Еще секунду.

Поддев киркой сверток, Рауль силой рванул на себя. Кирка соскочила и отколола нижний уголок противоположной дверцы. Сверток поддался. Рауль салютовал коллеге и тот аккуратно вытянул его из лаза.

Оказавшись снаружи, Рауль с облегчением вдохнул свежего воздуха.

Крепко прижимая сверток к себе, он искоса поглядел на Карла. Отвернулся и трепетно уложил находку на камень. Достав нож, разрезал веревки, крепко связывающие льняную тряпку. Внутри лежала каменная статуэтка человека по пояс с глубокой впадиной вместо глаз, длинными ушами и мощным носом. Худые руки прижимались к телу, длинные костлявые пальцы лежали на боках.

– Святая богородица, – Рауль поднял статуэтку над собой и повернулся к Карлу.

– Это Моаи – истукан острова Пасхи, – Рауль поперхнулся. Крепко сжав пальцами статуэтку, он твёрдо прижал ее к груди, словно мать, прячущая ребенка от опасности. Его глаза налились слезами, моментально покрывшись сеткой красных капилляров.

Карл не решался подойти ближе, наблюдая за странным поведением коллеги.

– Поразительно, отсюда до острова пятнадцать тысяч километров, – Он провел по поверхности идола пальцем. – Она из гранита, а не вулканического туфа. Это просто невозможно. Ее не должно быть здесь. Это какой то сон.

По его щекам потекли слезы. Он смеялся и плакал навзрыд.

Рауль развернулся и пошагал вниз.

– Эй, мы еще должны закрыть проход обратно, – воскликнул Карл.

Рауль не отреагировал. Он шел медленно и аккуратно, будто нес в руках чашку горячего чая.

– Черт бы тебя побрал, Весге! – выругался Карл.

Он поднял выпавшую у Рауля из кармана кисточку и принялся закладывать проход в одиночку.

Глава 1

Наши дни.

Москва. Россия

Лису потребовалось время чтобы осознать, что он наконец проснулся. Сердце выпрыгивало из груди, стуча по хрупким ребрам.

Он перевернулся на бок, чтобы боль утихла.

Прохладный ветерок из форточки, приносил с собой гул автострады.

Сон оказался на редкость отвратным. Он уже не мог точно вспомнить, что же все-таки там происходило. Сцены успели провалиться в его глубокую помойку под названием – память. Все же кое-что он запомнил отчетливо, да и разве это можно вообще забыть? Чертовы крысы. Сотни или тысячи штук. Они преследовали его по темным катакомбам. Вокруг царил гнилой смрад. Потом был тупик, он прижался к стене и кричал перед лицом стаи надвигающегося ужаса.

Сон вполне мог оказаться скрытым сигналом организма. Мозг как главный контролер его крохотного мирка, неприкрыто сообщал ему об опасности. Как будто он сам не знал, что в дерьме, и уже очень давно.

На часах всего четыре утра, а сна уже нет ни в одном глазу.

Лис прошел до кухни и открыл дверцу пузатого холодильника «ЗИЛ». Верхняя полка напоминала аптечную витрину. Он закинул в рот горсть заранее заготовленных таблеток и запил глотком ледяной воды. Присев за столик у окна, вдавил кнопку на чайнике и подпер рукой подбородок. С высоты десятого этажа можно было наблюдать за тысячами кишащих муравьев на автостраде. Они соревновались друг с другом за право быть первыми в этой цепочки жестокой жизни.

После смерти жены, когда сон все чаще покидал его, Лис сидел у этого окна погруженный в свои мысли, размышляя о прожитых годах. А о чем еще может думать шестидесятилетний одинокий старик в своей однокомнатной хрущевке? Поздно строить планы на будущее. Да и откуда этому будущему взяться? Когда твою многотомную медицинскую карту украшает смертельный диагноз, только и остается что вспоминать былые времена.

А вспомнить действительно было что. Мало кому в жизни удастся пожить в десятках странах; стать участником громких исторических событий; принимать решения, от которых зависит судьба целой страны. Только имени его не отыскать в учебниках истории, отцы никогда не расскажут своим детям о его геройских подвигах. Настоящая личность Лиса засекречена, а биография скрыта в пыльных архивах под грифом звездной печати.

Жаль, что он давно уже не представляет ни малейшего интереса иностранным спецслужбам. Хотя что-нибудь интересное было бы в жизни.

Стрелки часов незаметно подобрались к шести.

Отворив пожелтевшую дверь с потертой хрустальной ручкой, Лис прошел в ванную комнату умыться лицо. Он старался лишний раз не смотреть в зеркало, откуда выглядывал лысый, обтянутый вытянувшейся кожей скелет с выпученными наружу суставами.

Лис взглянул на градусник и открыл шкаф. Достав брюки и пиджак, он мельком глянул на китель с наградами не существующей страны, который так и не решился ни разу надеть после увольнения на пенсию. Проведя пальцами по запыленным плечам, в очередной раз пообещал себе выбросить этот хлам, наконец, на балкон подальше от глаз.

К восьми утра Лис добрался на метро до улицы с трудно произносимым названием. Затем по знакомой дороге до пятиэтажного серого здания на самой окраине. Местные жители называли это место не иначе как склеп. И не мудрено, от него буквально разило

смертью. Это был живой организм высасывающий жизненную энергию из любого кто попадет внутрь, а останки он выплевывал на задний двор, прямиком в катафалку.

Внутри как всегда сновали потенциальные мертвецы с поникшим лицом и черными синяками вокруг глаз. Тяжелая деревянная дверь с мощной пружиной забивала гвозди в крышку их гробов.

Воздух насквозь пропитался фенолом и хлоркой.

Новички сразу бросались в глаза: испуганный взгляд, энергичная походка, оптимистичный настрой. Всего год назад Лис был таким же, а сейчас чувствовал себя практически дембелем. Постепенно он уверовал, что человек действительно привыкает ко всему. Если бы не эта особенность – человечество давно бы вымерло от первой серьезной напасти, задохнувшись от депрессии и слез.

Лиса абсолютно не смущало постоянное соседство со старухой с косой. Он каждую секунду ощущал ее присутствие. Она бродила за спиной, пряталась за каждым углом, глядела из окон мимо проезжающих автомобилей. А когда было совсем хреново, старуха легонько постукивала лезвием по плечу.

Там хорошо и не будет больше боли, шептала она на ушко.

Лис знал, что это уловка. Стоило поддаться на мгновение, и человек моментально уга-сал. Смерть врала, чтобы затолкнуть его поглубже, вбить последний гвоздь и насытиться очередным трофеем.

Лис стоял в очереди, которая как всегда двигалась неимоверно медленно. Государство подавало четкий сигнал: Лучше тебе сидеть дома и тихонько подышать от рака, чем стоять в душевой очереди и тратить денежки фонда здравоохранения.

Большинство здесь практически коллеги. Эдакое братство бледных скинхедов. Но есть и те, кому только предстоит узнать свою стадию. Кто-то выслушает врачебные байки про статистику и будет отчаянно биться, и быть может, выиграет себе пару годков бессмысленной и мучительной жизни. Большинство, конечно же, вспомнит о куче незавершенных дел, и загнетса в собственной депрессии. В последние годы появилась новая группа. Лис называл их – святые мученики. Они верили, что господь решил испытать их. Отказавшись от лечения, они сутками стучали лбом об пол в церквях и мечетях, тоннами скупая свечки и волшебные атрибуты святых угодников. Такие помирали первыми, но за то попадали прямиком в рай.

Молодой парень, сопровождавший худого старичка, проскользнул мимо очереди к окну.

– Извините! – сказал он, нацеливаясь в круглое отверстие. – Мы стоим в очереди уже сорок минут. Деду срочно рецепт нужен! Боли со вчерашнего вечера не утихают.

– Я сегодня одна и у меня не семь рук, – ответила девушка.

Она громко щелкнула жвачкой. Ее ярко – красные губы были выкрашены домиком. В глазах неестественно синие зрачки спрятались под нависшими черными тенями.

– Но ему очень плохо. Мы с трудом добрались...

– Здесь всем плохо, – возмутилась бабка из середины очереди. – Я на ногах еле стою.

– А я вообще на 8.30 записывалась, – отозвалась вторая.

– Нужно раньше приходить. Нашлись тут умники, – пробормотала себе под нос третья.

Парень осмотрел нападавших и, набравшись смелости, тихим голосом заговорил:

– Пожалуйста, дайте направление.

– Сначала мне выпишут. Я тоже стою здесь почти час, – гаркнула женщина, чья очередь должна была подойти. Она попыталась оттолкнуть юношу, но тот прикинулся каменной скульптурой.

– И мне.

– За мной пройдет.

– Вообще-то я за вами, мне еще ребенка в садик везти.

Толпа загудела. Щуплый старикашка оперся локтем на стойку. Второй рукой из последних сил сжимал клюку. Лицо было бледнее бумаги. Старуха с косой стучала ему по плечу и закатывала рукава в томительном ожидании.

– Молодой человек, не мешайте мне. Я сейчас ошибусь в программе. Потом придётся ее перезапускать, а она еще виснет постоянно. Я сегодня еле включила. Ну, вот опять зависла. Лена! Позови Пашу, программа зависла опять. Как же она достала! Долбанный компьютер!

Лис подошел к стойке, приобнял парня за плечо.

– Антон, тебе мать не сказала, что дед без очереди должен проходить? Смотри сюда.

Лис указал на объявление, приклеенное скотчем на стекло. Подчеркнутый, жирно выделенный текст гласил, что ветераны ВОВ и блокадники обслуживаются вне очереди.

Парень посмотрел удивленными глазами на внезапного гостя.

– А он...

– Блокадник конечно, – вставил Лис и постучал ладонью по его пустым карманам. – Ты что удостоверение не взял?

– Видимо, нет.

Лис засмеялся и потряс парня за плечи.

– Это понятно. Вон плечи, какие накачал. Одни девки да компьютеры, небось, на уме. Жаловалась мне мамка на тебя.

– Пусть покажет удостоверение! – возмутилась женщина из очереди.

Лис обратился к регистратору:

– Милочка, я Николай Ивановича знаю с детства. Моя мать с ним за одним станком стояла. Пока немцы бомбы по Ленинграду швыряли, он снаряды для пушек своими ручонками вытачивал. Вот такой мужик был, десять лет назад за сотню вешал. Ты понимаешь, что здесь будет, если блокадник в очереди помрет, а? Думаешь, кто вспомнит про бумажки? Тебе это надо?

Регистраторша сжала губы. Казалось, она готова проглотить не только жвачку, но и язык.

– Давайте его паспорт.

Толпа показательно цокнула и проводила Лиса осуждающим взглядом. На краю смерти у людей жалость окончательно атрофируется.

Парень быстро получил заветное направление и увел старика наверх. Лис провожал их взглядом и не мог разобраться со своими чувствами. На миг показалось, что он завидует. Только чему? Может быть, тому, что старик уже почти отмучился и доживает последние мгновения? Или тому, что у него есть те, с кем эти мгновения можно разделить? Старик прожил свою жизнь правильно и теперь имеет за собой твердый тыл, который если надо возьмет талончик или подотрет задницу. Лису же придется погибать в собственном дерьме, без надежды сказать кому-либо прощальные слова. Неужели он в таком случае прожил неправильную жизнь? Он честно служил своей стране, защищал таких же, как этот старик, пока они спокойно строили свою жизнь, растили детей. И что он получил в награду? Нищенскую пенсию, несколько медалей из дешевой бронзы с гербом страны, которой давно нет и вечный почёт. Только этому почёту не скажешь слова любви и напутствия. Почёт не пойдет за тебя просить у регистратора талончик.

Девушка продолжала щелкать жвачкой и колотить острыми как у попугая ногтями по клавиатуре. Конечно, она не обратила внимания на тот факт, что Николай Иванович родился уже после Великой отечественной войны и никак не мог быть блокадником. Возможно, она даже понятия не имела когда была та война и против кого. Ныне у молодежи совсем другие интересы. Кому какое дело до погибших предков задолго до их рождения, когда в мире столько страстей и соблазнов.

Лис сумел попасть к врачу через два часа. Рак желудка ожидаемо прогрессирует. Предыдущие курсы химиотерапии показали положительную динамику. Врач настоял на продолжении. В противном случае быстрое распространение метастаз съест его тело изнутри за пару месяцев, а то и меньше. Отказ от химиотерапии давал один существенный плюс: к похоронам успеют отрасти волосы.

Если еще год назад, он бы не раздумывая согласился, то сегодня, утвердительно кивнув врачу, он вышел из кабинета в сомнениях.

За прошедший год он перестал всерьез воспринимать страшилки врачей о своей неминуемой участи. Это не значит, что он не верил, даже не смотря на свое относительно не плохое самочувствие. Как раз наоборот. Когда точно знаешь, что смерть неминуема и, причем в самое ближайшее время, ее перестаешь бояться. Она воспринимается как последняя дверь в конце коридора, в которую вынужден войти. Ты как будто перестаешь обманывать себя, что все будет хорошо и ты проживешь долгую жизнь. Какой смысл рыдать над приговором? Нужно приспособливаться жить, даже если теперь каждый вздох может стать последним. Психологи назовут это отчаянием. Точного ответа он не знал. Терминология – рудимент для умирающего. Неужели в тот момент, когда свет погаснет навсегда, будет важна причина? Если у души есть память, главным сокровищем станут воспоминания. А их у него хватит на несколько жизней.

Лис стоял напротив пошатнувшейся немецкой стенки с толстыми стеклянными дверцами. Внутри лежали книги аккуратно сложенные женой в ровные стопки. Каждая из них вместе с увлекательной историей внутри несла с собой удивительные воспоминания, подвластные только ему. Пять языков, больше тридцати известнейших авторов, о многих из которых в СССР никогда не слыхали. Жемчужины мировой художественной литературы; произведения по истории и философии. Все это – история его собственной жизни в твердом переплете.

Вечером он прилег на диван и перечитывал Рабов Парижа – знаменитого французского классика Эмиля Габорио и с удовольствием сравнивал Париж девятнадцатого века, так реалистично описанный в книге с тем, что видел сам в начале восьмидесятых.

Чтобы совсем не сойти с ума от тишины, он фоном включил телевизор. Диктор за кадром на одном из познавательных каналов рассказывала об истории имен.

«... Многие имена, которые мы считаем разными, на самом деле имеют одинаковые корни. Например: самое распространённое имя в США Джон является производным от древнееврейского имени Иоанн. От него же произошло русское имя Иван. В английском языке принято произносить Айван...»

«Не Айван, а Иван!»

«Ииииван»

Лис вздрогнул. Он не слышал дальнейших слов диктора, но это имя эхом звучало в голове.

Буря воспоминаний нахлынула на него невиданной силой. Адреналин разогнал уставшее сердце. Внезапный эмоциональный толчок позволил ему прочувствовать те события, будто они произошли вчера.

Черт возьми, как же он скучал по былым временам. Он готов без малейшего раздумья променять остаток своей никчемной жизни, в задворках больницы с исколотыми от игл руками, на шанс ощутить себя снова живым.

«Не Айван, а Иван!»

Почему ему раньше это не пришло в голову? Они давно не враги. Если он еще жив, они могут встретиться. Лис не сказал ему нужных слов тогда. Еще не поздно сделать это сейчас.

Лис не спал до утра. Отсчитывая каждую минуту, он проклинал стрелки часов за медлительность.

Когда солнце, наконец, всю завоевало небосвод, он держал в руке телефон и набирал номер.

– Алло, – ответил запыхавшийся мужской голос.

– Серебряков Михаил?

– Да.

– Это Серебряный Лис.

Собеседник на несколько секунд замолчал. Было слышно, как он сглотнул и продолжил разговор уже с настороженностью:

– Игорь Саныч?

– Рад, что помнишь меня Мишь. Как поживаешь?

– Эм, хорошо. Признаюсь, очень неожиданно. Откуда у вас мой номер?

– Обижаешь. Я всего-навсего на пенсии, а не в доме престарелых.

– Да, конечно. Простите.

– Мишь, я звоню попросить об услуге.

– Я слушаю.

– Давай не по телефону. Встретимся на главной сегодня в четырнадцать. Сможешь?

– У меня сегодня встреча. Может быть на неделе?

Лис закашлялся.

– Для меня это вопрос жизни и смерти. Я не займу много времени.

– Хорошо, я подъеду.

– Спасибо. Буду ждать.

Лис приехал на место встречи заранее. Ресторан «Ночная Москва» был хорошо известен не только старожилам ночной жизни, но и бывшим представителям Первого главного управления КГБ. Личности разведчиков-нелегалов были известны только очень узкому кругу руководства страны. Передача засекреченных сведений между нелегалами и связными, как правило, проходила в обычных ресторанах Москвы по соседству с ничем не подозревающими гражданами. Сами разведчики также ничем не выделялись. При отборе в первую очередь ценился интеллект, коммуникативные способности и умение принимать быстрые взвешенные решения. Физическая сила и умение обращаться с оружием никогда не ставилась в приоритет. Накаченным молодчикам, готовых торсом проламывать вражеские стены путь в нелегалы был заказан. Разведчик-нелегал – это, прежде всего профессиональный переговорщик, интеллектуал, актер и манипулятор.

Лис зашел внутрь и снял плащ в гардеробе. Официантка предложила расположиться у окна, но он настоял на конкретном столике в самом дальнем углу. Девушка не возражала, упорхнув к другим посетителям.

Лис обратил внимание на дубовые столы. Их отреставрировали и выставили на своих местах, как и тридцать лет назад. Приятно осознавать, что ресторан чтит многолетние традиции. С улыбкой на лице Лис наслаждался нотками ностальгии.

04 февраля 1985 года – день, когда он последний раз сидел за этим столом. Совсем юный парень, полон энергии и сил. Чересчур самоуверенный. Тогда он уже осознавал себя зрелым мужчиной, способным свернуть горы. На голове висала длинная темно-русая шевелюра, зачесанная на правый бок.

Утром того дня он впервые за три года вернулся в Москву. Под видом частного предпринимателя – директора филиала немецкой обувной фабрики Рихарда Вальца он проживал в городе Сараево, республики Югославия.

За годы работы ему удалось наладить тесные контакты со многими представителями руководящих кругов. В стране бушевала настоящая война разведок. Несмотря на то, что Югославия входила в социалистический круг, и считалась союзником СССР, в стране уже

вовсю зарождался экономический кризис, приведший в будущем к распаду страны. У Центра имелись серьезные подозрения в участии иностранных разведок в саботаже экономических реформ. Задачей Лиса было собрать максимум информации из-за кулис и разоблачить агентов иностранных спецслужб.

Ранним февральским утром случилось непредвиденное: он получил срочное послание из Центра. В телеграмме отправленной Маргарет Вальц (бабушки) содержалось, помимо добрых слов любви, приглашение приехать в Германию на празднование ее дня рождения.

Лис знал, что означало это шифрованное послание. Он должен немедленно вернуться в Москву.

Через два дня Лис сидел в ресторане в ожидании связного. Чуть поодаль шумная компания праздновала день рождения. Именинник с расстегнутой настежь клетчатой рубашкой угощал всех попавшихся на пути спиртным. На потолке мигали красно-желтые фонари. Изрядно выпившие гости пускались в пляс под песни Тото Кутуньо. Особо отдохнувшие в дружеских объятиях засыпали между тарелок.

Лис закурил. Впервые за последние годы сигареты советского производства. В горле появилось знакомое, раздражающее глотку першение.

Перед отъездом он тщательно замаял все следы. В аэропорту Берлина его тайно переправили через границу в ГДР и оттуда прямым рейсом на родную землю. Всю дорогу он перебирал в голове возможные причины вызова. Должно было случиться нечто экстраординарное, иначе бы Центр не рискнул срывом всей его операции, тем более сейчас, когда он так близок к разоблачению нескольких чиновников в аппарате правительства.

У гардероба он заметил подозрительного человека. Тот осмотрел помещение, задержав взгляд на его столике. Это связной. Мужчина элегантно снял шляпу и длинное пальто, шепнул пару ласковых миловидной девушке у гардероба и только потом направился к нему. В его походке мелькали нотки пантеры.

Лис сразу узнал его. Они обнялись.

– Вот уж не думал, что придешь именно ты, – воскликнул Лис. – Сто лет, сто зим.

– Ну, ты даешь Игореха. Я-то думаю, куда пропал студент прохиндей. Ни звонков, ни писем. А ты оказывается Серебряный Лис. – Виктор оглянулся на неразборчивый крик одного из гостей дня рождения. – Одна гопота здесь собирается. Дурка по ним плачет.

Виктор позвал официанта. Заказал двести грамм водки и нарезку. Лис кивнул одобрительно. После тяжелой дороги не мешало немного расслабиться и успокоить взбудораженные внезапным вызовом нервы.

– Ну как там, расскажи?

Лис пожал плечами.

– Нормально.

– Ага, понимаю. Устав. Я тоже хотел в нелегалы. Не взяли.

Лис прижал ладони друг к другу. Скрестив пальцы, выгнул тыльную сторону на себя. Суставы в такт хрустнули.

Виктор поморщился, сжав зубы.

– Ох, я и забыл о твоей дурацкой привычке.

– Я смотрю, ты здесь тоже неплохо устроился. Такое пальтишко и в Европе сложно достать.

– А то. Не совпаршив какой-нибудь. Один фарцовщик подкинул. Две сотни отдал. Давай еще по одной. Между первой и второй – перерыва нет совсем. Еще помнишь русский обычай?

Лис кивнул и выпил рюмку. Обжигающий водопад скатился по пищеводу. Он закашлялся, второпях прожевывая колбасу.

– Оооо, так я и думал. Совсем слабаком стал. Еще и хэир вон какой на голове отрастил. У нас, кстати, так уже не модно.

– Да ладно тебе, – Лис отмахнулся рукой. Затушив сигарету, он пристально посмотрел другу в глаза – Вить, зачем я здесь?

Виктор сложил бутерброд из сыра, колбасы и кильки и разом проглотил вслед за рюмкой.

– Рихард Вальц сегодня попал в автокатастрофу по пути к дому любимой бабушки. Открытая черепно-мозговая не совместимая с жизнью. Скончался в реанимации. Завтра кремация. Его родной брат вступит в наследство и поедет в Югославию заниматься его делами.

Лис раскрыл рот от удивления.

– Ничего не понимаю.

– Я не принимаю решения, ты же знаешь. Вот держи.

Виктор достал из-за пазухи сверток. Положил на стол. Лис не глядя убрал в карман.

– Новое имя и легенда. Завтра летишь в Вену, оттуда в Рим. В свертке ключ. На Белорусском двадцать третья ячейка. Твой связной помощник посла. Встреча завтра в шесть в кафе Пунто адатто. Газета «Мессенджеро», на развороте Битлз.

Лис кивнул.

– Я не знаю в чем дело, но скажу, что у нас там шухер по этому делу. Говорят, Черненко на личном контроле держит.

Лис налил Виктору и себе по самый край. Чокнувшись, он выпил не закусывая.

– Эй, – Виктор слегка стукнул его по плечу. – Чувак не переживай ты так. Тебе же все по зубам, не так ли?

Лис натянул улыбку.

– Слушай, а помнишь, как на втором курсе нас в Варшаву возили?

– Конечно.

– Подрались с гопотой местной в ресторане, а потом полиция приехала нас винтить. Помнишь, как бежали? До сих пор удивляюсь себе, как я умудрился одним махом перепрыгнуть двухметровый забор?

– Все равно же догнали.

– Ага, а ты тут же выдал на чистом польском, что мы с Сахрыни приехали, документы оставили в залог квартиры. Бедные студенты, которые мечтают стать профессиональными игроками. Как это игра называлась?

– Ринго. Поляки ее обожают.

– Точно. Не понимаю, как ты догадался, что полицейские были такими фанатами этой игры?

– Никак, – Лис пожал плечами. – Просто говорил первое, что придет в голову.

– Мы бы не сидели здесь, если бы они не отпустили нас тогда. Так что я за тебя совсем не переживаю. Ты в любой ситуации справишься.

Приободрившись, Лис улыбнулся.

Они попрощались. Лис еще несколько минут сидел за столиком в тишине, обдумывая произошедшее. Он сжал до боли ключ в кулак и направился к выходу.

Приказы не обсуждают.

Спустя тридцать лет он вновь сидит за тем самым столом. Воспоминания витают в воздухе подобно мыльным пузырям. Атмосфера целой эпохи сохранилась почти нетронутой. Лис слышит музыку эстрадных певцов восьмидесятых; видит танцующих красавиц в воздушных платьях с немыслимыми начёсами на голове; чувствует запахи духов Визави и Нефертити. Это так завораживающе.

Администратор сопровождала гостя к его столу.

Взглянув на Лиса, тот оторопел. Затем с осторожностью пожал руку, словно боясь заразиться.

– Я не знал что вы... Ну, понимаете.

– Ничего Мишь, все нормально. Садись, спасибо, что пришел.

Михаил заказал кофе.

– Слышал у тебя семья. Дочка?

– Да, ей уже семь. Первый класс заканчивает.

Глаза Михаила бегали из стороны в сторону, словно он боялся своим направленным взглядом добить умирающего.

– Это очень здорово. Витька о дочке мечтал, жаль внучку не успел застать.

– Да, верно, – неохотно согласился Михаил. – Эм, у меня действительно совсем нет времени. Так что лучше сразу к делу.

– Да, конечно. Мне нужна информация о местонахождении одного человека. Бывший агент МИ-6. Был известен под именем Джеймс Фридрих Гаррисон. Участвовал в операции в Риме в восемьдесят пятом.

Михаил напрягся.

– В той самой?

Лис кивнул.

– Я могу пробить его в базе.

– Он там не числится, – перебил Лис. – Уже пробовал.

– Тогда чем еще я могу помочь?

– У тебя есть доступ в архивы. Оттуда можно почерпнуть важные сведения.

Михаил чуть не опрокинул чашку.

– Я без основания не имею права лезть в старые архивы. Это исключено.

Лис положил на стол лист бумаги. Прочитав текст, Михаил оторопел.

– Игорь Саныч, вы, что с ума сошли? Вы серьезно?

Лис глотнул чая. Горячий напиток пробился сквозь стареющий пищевод в избитый метастазами желудок.

– Это твоё основание. Они все равно начнут рыть архивы.

Михаил отбросил бумагу в сторону, будто она пылала огнем.

– Зачем вам это?

– Скажем так: нам есть что вспомнить. В конце жизни невольно начинаешь ворошить прошлое. Поймешь, когда тебе будет столько же сколько мне.

– Вы понимаете, чем вам это грозит? Вы не сможете никуда уехать. Вас арестуют прямо в аэропорту. Лишат всех званий и наград. При вашей-то болезни, любой приговор – смертельный.

– Мой приговор уже оглашен. Звания и награды там мне уже не понадобятся.

– Они достанут вас в любой точке мира. А потом и меня. Простите, я не могу на это пойти.

Михаил взмахнул руками перед собой, выставив их крестом, словно защищался от вампира. Отодвинувшись от стола, приготовился встать.

– Мишь, я гарантирую, что наш разговор останется конфиденциальным.

– Моя дочь может остаться без отца из-за вашей глупой авантюры. И вообще мне следовало было доложить об этом. Вдруг вы не блефуете.

– Мишь, послушай меня...

– Нет, Игорь Александрович. Простите, но я не хочу дальше это выслушивать. Я не могу вам помочь.

Михаил встал из-за стола. Лис ухватил его за руку. Тот испуганно взглянул на сморщенную кожу ладони.

– Я не сдал твоего отца, не сдам и тебя. Вдумайся, кем бы ты сейчас был, а? Ты должен помнить, чем обязана мне твоя семья. В честь памяти Витьки, сдержи его слово.

Лис убрал захват. Михаил отправился прочь, не промолвив ни слова.

Глава 2

05 февраля 1985г.

Рим. Италия

Лис прилетел в Рим вечерним рейсом, и пока самолет кружился над античными постройками, готовясь к посадке, успел насладиться ярко-красным закатом. Это был его первый опыт посещения итальянской столицы. Несмотря на свои цели, каждый раз по прибытии в новый город он уделял время для посещения местных достопримечательностей. С собой у него всегда имелся немецкий фотоаппарат «Минокс 35», купленный в Мюнхене за баснословные для советского человека деньги. Конечно, он как истинный патриот мог использовать его более простую и дешевую копию «Киев 35». Но тогда это могло бы вызвать лишние подозрения. Действительно, где вы видели француза, путешествующего по Европе с советским фотоаппаратом?

– Синьор Клеман, – обратился к нему подтянутый офицер за стойкой. – Цель вашего приезда в Италию?

– Туристическая, если можно так выразиться, – сказал Лис на плохом английском и взглядом указал на висевший, на груди фотоаппарат. – Колизей, Пантеон, Ватикан, ммм.

Офицер никак не отреагировал на его восклицание, но Лис заметил его жест губами, прямо говорящий: «Как же меня достали такие идиоты, как ты!»

– Проходите, – холодно отозвался он.

Лис вышел на улицу и направился к стоянке такси. Дул приятный прохладный ветерок. Над головой громыхал очередной лайнер с новыми группами туристов со всего мира.

Аэропорт имени Леонардо да Винчи – самого прославленного итальянца в мире, находился в тридцати километрах от центра Рима.

Накануне Лис вскрыл двадцать третью ячейку на Белорусском вокзале и получил основные инструкции. По легенде его зовут Жан Жак Клеман – преподаватель исторического факультета Страсбургского университета. Французский гражданин, прибывший в Италию из соседней Австрии. Последние недели он путешествовал по Европе в целях сбора материала для своей докторской диссертации на тему: «Особенности древней архитектуры первого тысячелетия до нашей эры и их влияние на развитие общества». Никаких данных о задании, кроме адреса места встречи со связным он так и не получил, что заставило его провести долгие часы в раздумьях по пути в Италию.

Его не покидало ощущение досады и обиды. Он потратил несколько лет, чтобы наладить отношения и заработать себе авторитет в Югославии. Еще не много и он смог бы вплотную приблизиться к людям, принимающим самые главные решения в стране. Что могло быть важнее этого? Он не понимал, почему кто-то так легко пожертвовал надвигающимися прорывом в его работе. И к чему весь этот маскарад? Лису, конечно, польстило, что в КГБ осведомлены о его хороших познаниях в истории, иначе ему бы не придумали профессию, в которой он не разбирается. Но где тут логика? Преподаватель истории не может найти подход к чиновникам высшего ранга; он не имеет доступа в секретные архивы государственных учреждений. Неужто ему требовалось украсть камень с развалин римских форумов в Капитолии или отколоть кусок фрески Боттичели в Сикстинской капелле?

Лис приехал к небольшому кафе на окраине улицы, названной в честь итальянского художника Умберто Боччони в северной части Рима за десять минут до намеченного времени.

Внутри оказалось немногочленно. Он быстро отыскал человека с газетой «Мессаджеро». На внешнем развороте располагалась биографическая статья с фотографией знаменитой ливерпульской четверки. Все совпадало.

Мужчина сидел забросив одну ногу на колено. По внешнему виду подошвы Лис определил, что туфли куплены буквально накануне. Это могло означать, что либо к его приходу специально готовились, либо связной сам прибыл в город накануне.

Лис прошел между столиками в самый угол и уселся напротив. Мужчина опустил газету. На нем был дорогой серый костюм с голубым галстуком в крапинку; вместо взъерошенных кудрявых волос короткая прическа с явно искусственным блеском; на переносицу давили громоздкие очки.

Виктор улыбнулся краем губы и заговорил по-французски:

– Добрый вечер мсье Клеман. Как прошел перелет?

Ах ты, чертов плут, прокричал Лис про себя.

– Утомительно. А у вас мсье?

Виктор отложил газету и отпил глоток красного, как рубин, вина.

– Виеру. Корнелиу Виеру.

– Вам бы с акцентом поработать мсье Виеру.

– Я до десяти лет прожил с родителями в Румынии. Отсюда и акцент. Родной Париж мне нравится гораздо больше, чем грязный Бухарест – Он вытащил из кармана сигару и обрезал край гильотиной с ярким нержавеющей отблеском. – Цивилизация, – протянул он, выпуская густой клоч дима.

– Не привлекай лишнего внимания Корнелиу. Что я здесь делаю?

Виктор стряхнул пепел и снова выдохнул дым, на этот раз, сопроводив колечками.

– Несколько дней назад в Египте был обнаружен артефакт. Каменная статуэтка идола. Его откопали два археолога и завтра вечером они намерены показать идола общественности здесь в Риме в Палаццо Консерваторе на международном форуме историков и археологов. Твоя задача этого не допустить, завладеть идиолом и срочно доставить в Москву.

Лис растерялся. Он положил большой палец руки на указательный и с силой надавил. Сустав звонко хрустнул. Затем он поочередно прохрустел остальными пальцами. Ощувив приятное покалывание в сухожилиях, он спросил:

– В чем ценность этого, как ты сказал идола?

Виктор поднял палец вверх с зажатой в зубах сигарой.

– Хороший вопрос. Я задавал его несколько раз. Никто не знает подробностей. Приказ с самого верха.

Виктор вытащил из кармана сверток и положил на стол.

– Здесь твой пропуск на конференцию, адрес и телефон для экстренной связи.

– А зачем ты здесь?

– На случай твоей неудачи, – он двумя глотками осушил бокал. – И еще, ты должен кое-что знать. Я не мог дать тебе полной информации в Москве. Нелегал, добывший сведения не выходит на связь. Возможно, нейтрализован. Что бы это ни было, тут замешены серьезные игроки. Если не справимся, головы полетят. – Он провел большим пальцем по горлу.

Лис заметил, мелькнувший страх на его лице. Виктор облизнул пересохшие губы.

Пока связной в подробностях рассказывал разработанный план завтрашней операции, где Лису отводилась главная роль, его не покидало ощущение нереальности происходящего. Казалось, главные штампы советских кинофильмов о разведчиках внезапно ожили. Работа нелегала – это долгий и изнурительный подготовительный процесс; вербовка союзников; проработка всевозможных путей решения задачи; кропотливое планирование каждого последующего шага. Быть может это все розыгрыш? Вот прямо сейчас из-за угла вый-

дет режиссер со съемочной группой Мосфильма и скажет «снято», и Лис спокойно вернется к своим привычным обязанностям.

– Почему я? – спросил Лис

Виктор улыбнулся, затушил сигару, а остаток убрал в карман.

– Потому что я рекомендовал тебя.

– Я не спецназовец!

– Да брось ты! В этом деле требуется быстро разобраться с ситуацией на месте, оценить обстановку и моментально принять решение. Разве спецназовец может с этим справиться? Да они только и могут, что по бумажке работать. Мне столько трудов стоило утвердить тебя на это дело. Разве ты не понимаешь, какой это шанс? По возвращению сразу героя получим. Не дрейф, я буду на подстраховке. Мы справимся, – Виктор подмигнул левым глазом. – Так, мне уже пора, – Он вскочил, бросил купюры на стол и откланялся – Мсье Клеман, увидимся завтра.

Излишняя самоуверенность Виктора, была одной из причин, почему Лис отказался с ним работать в Югославии, когда потребовалась помощь. В работе нелегалов самым главным было безоговорочное доверие партнеру. Лис считал, что рассчитывать можно только на человека способного рассуждать холодно, порой даже чересчур пессимистично. Только в таком случае удавалось спланировать каждый, даже самый фантастический вариант развития событий и не полагаться на случай и везение.

На этот раз времени для планирования нет. Об археологах нет никакой информации, кроме имен. Учитывая повышенное внимание к идолу, они наверняка будут вооружены. И как он должен справиться в одиночку? Устроить там пальбу? При таком то скоплении народа. Значит, придется действовать так, как он больше всего ненавидел – по ситуации.

Ночью Лис практически не сомкнул глаз, раз за разом прокручивая в голове план Виктора. Лишь под утро удалось заснуть на пару часов, чтобы хоть как то трезво мыслить.

Утром он приобрел костюм в одном из магазинов в центре города. Затем связался по телефону с Виктором, чтобы уточнить последние детали операции.

– И еще кое-что, – в конце разговора добавил Виктор. – Сегодня утром пришла информация из Центра. МИ-6 координирует в Риме своего человека. Его зовут Джеймс Гаррисон. В сообщении, которое удалось перехватить, фигурирует Палаццо Консерваторе и сегодняшняя дата. Я думаю, он получил аналогичное задание, так что тебе нужно быть начеку.

Лис уткнулся лбом в стеклянную стену телефонной будки.

– Ты же понимаешь, что это существенно усложняет дело. Мне нужны еще люди. Есть его фотография?

– Нет. Больше никакой информации. Я уже никого не успею прислать. На форум можно попасть только по приглашению. Но я думаю, мне удастся сделать его для себя.

– Нет, – прервал Лис. – Ты будь на своем месте как оговорено. Организуй эвакуацию.

– Я тебя понял. Удачи.

Лис вышел из будки и глубоко вздохнул. Небольшая тучка прикрыла яркое солнце на несколько минут, дав ему возможность, не шурясь посмотреть на синее небо.

Сейчас бы он не отказался от стаканчика хорошего армянского коньяка, чтобы немного встряхнуть мозги.

Наши дни.

Москва. Россия.

Михаил перезвонил на следующий день и согласился помочь.

В следующие несколько дней Лис срочно продал столичную квартиру и дачу за бесценок. Риелтор светился от счастья, готовый расцеловать его за такой щедрый подарок. Выру-

ченных денег вполне должно хватить, чтобы продержаться пару месяцев в любой точке мира. Большого ему и не требовалось.

Лис подделал рецепт на обезболивающие препараты, чтобы запастись ими вдоволь. Таблетки пришлось упаковать в коробки из-под безобидных витаминов, чтобы беспрепятственно пройти границу. Он также наведлся в магазин электроники, где не бывал с середины девяностых. Увидев всю полноту выбора современных средств связи и коммуникаций, Лис пожалел, что не родился на пару десятков лет раньше. Пришлось приобрести крохотный диктофон, новый смартфон и ноутбук. За пару тысяч сверху продавец с удовольствием дал ему пару уроков по работе с интернетом. Для юноши стало большим сюрпризом, что какой-то старикашка с такой легкостью все схватывал. Знал бы он, на каких компьютерах Лис работал в восьмидесятых.

На удивление у него улучшился аппетит. Лис решил, что причиной мог стать всплеск адреналина связанный с переживаниями о предстоящей поездке. Как бы то ни было – это существенно подняло ему настрой. С момента постановки диагноза он потерял почти двадцать пять килограмм. Питаться приходилось восемь раз в день мелкими порциями. Основные блюда – это бесконечные всевозможные овощи, от одного взгляда на которые его выворачивало наизнанку.

На фоне разрывов усилились боли в костях. Позвоночник схватывал внезапно, после чего приходилось отлеживаться несколько часов.

Боль стала неотъемлемой частью жизни. Привычка, без которой уже не воспринимается существование. Раньше, казалось, он научился ее не замечать, отключать от сознания подобно штекеру из розетки. Видимо, всему приходит предел. Он чувствовал, что организм уже на грани и вот-вот прекратит бороться. Затем вывесит белый флаг, выбросит якорь и сгинет в пучине.

Через три дня ему удалось вылететь в Берлин. За несколько часов до этого он отправил письмо в управление ФСБ. Когда его доставили, Лис уже успел расположиться в недорогом отеле по улице Бернауер-Штрассе, знаменитой на весь мир и ставшей синонимом берлинской стены.

Это место он выбрал не зря. Только здесь можно найти последние останки сооружения, разделившего немецкий народ на долгие десятилетия. Лис провел здесь многие годы с конца восьмидесятых. Он знал каждый угол, каждую забегаловку. Может быть, некоторые из его многочисленных друзей до сих пор проживают здесь?

Современная улица превратилась в мемориал, куда теперь приезжали немцы, чтобы отдать дань погибшим родственникам в попытках побега с востока на запад.

Лис всегда считал падение стены всего лишь вопросом времени. И оно играло против СССР. Какой бы нелепой стена не была, это форпост на страже собственной границы; памятник в честь победы в самой страшной войне в истории; напоминание о мощи и непобедимости страны. Однако пустив слабину и позволив разрушить стену, мы позволили разрушить себя. Символ нашего позорного поражения в холодной войне здесь – в Германии теперь разбирали на сувениры.

Лис прогулялся до того самого места где много лет назад тайно переходил границу, возвращаясь из Югославии в Москву. Вокруг мало что изменилось: малоэтажные дома, напоминали советские хрущовки; на проезжей части выстроились вычурные жирафоподобные фонари; автомобильный поток не стихал ни днем, ни ночью. Как и тридцать лет назад в глаза бросалась окружающая чистота, казалось, даже воздух очищен от бактерий и запахов.

Да чтоб вас! Как вы это делаете?

Долгожданное письмо пришло утром третьего дня. Все это время он мониторил новостные сайты в надежде отыскать упоминание о себе. Ничего. В общем, как и ожидалось. Новость о том, что бывший сотрудник внешней разведки, на старости лет свихнулся и пре-

вратился в террориста, может слишком сильно ударить по репутации современной Службы внешней разведки (СВР).

Отправитель: Фауст Гетте

«Добрый день! Давно я не видал такого переполоха. ФСБ снуют третий день, собирают информацию. Когда выяснилось, что бомба муляж, они немного успокоились. Завели дело за ложное сообщение о теракте. Знают, что вы в Германии, вроде как собираются отправить запрос на экстрадицию. Думаю, погрязнет в бюрократии. В любом случае – будьте осторожны.

Римское дело до сих пор под грифом. Мне не удалось его досконально изучить, слишком большой объем. Смог отыскать его досье. Переведен в британское посольство в Мадриде через месяц после тех событий. А дальше – какая то несуразица. Помещен в психиатрическую лечебницу в городе Парла, где скончался через полгода. Причина смерти не указана. Есть ссылка на полицейское расследование. Сказано: задержан за попытку суицида, оскорбление стражей порядка. Есть фото из полицейского участка, высылаю.

Единственное что меня смущает – почему его нет в базе? Либо чья-то халатность, а это было сплошь и рядом в конце 80-х. Либо это сделано намеренно. Здесь я уже ничем не могу помочь.

Рекомендую вам не возвращаться в Россию. Выяснив, что бомба – блеф, сомневаюсь, что они отправят кого-нибудь за вами. Рассчитываю на вашу сознательность оставить наш разговор в тайне. Надеюсь, я выполнил вашу просьбу.

Всего хорошего и удачи»

Лис еще долго перечитывал письмо и размышлял. Он, конечно, был готов к такому повороту, однако разочарование оказалось непосильным. Разболелась голова. Он выпил обезболивающее лекарство и прилег отдохнуть.

Когда мозг снова смог соображать, он отыскал в интернете телефон клиники.

– Центр психического здоровья. Чем могу помочь? – ответила девушка на-испанском.

– Буенос Диас. Мое имя Стэнли Хапферсон. Я представляю международную службу Бибиси Великобритании, – сказал Лис на плохом испанском с имитацией английского акцента. – Я режиссер, готовлю документальный фильм об английских подданных, подвергавшихся лечению в иностранных клиниках. Нас интересует одна история из восьмидесятых, произошедшая у вас. Кто мне может помочь с информацией?

– Сеньор Хапферсон, верно?

– Да.

– К сожалению, только главный врач может дать такую информацию. Но он в отъезде и будет только в понедельник.

– Простите, а как вас зовут?

– Эм, Пилар Перес.

– Если позволите, дона Пилар? Через четыре дня мы должны быть в Рио-де-Жанейро. В этот промежуток планировалось посетить Парлу. График очень жесткий. Если нам не удастся взять интервью, это катастрофа для моего фильма. Я прошу вас, неужели больше никто не сможет помочь мне?

Она вздохнула.

– Возможно, Сеньор Гонсалес мог бы помочь вам. К сожалению, его тоже нет на месте. Но он будет уже завтра. Если хотите я передам ему всю информацию.

– Благодарю вас. Тогда с вашего позволения я не стану менять наш график. Завтра мы прилетаем в Мадрид. Надеюсь, Сеньор Гонсалес примет меня. А если нет, я начну громко кричать и биться в истерику. Тогда он будет вынужден принять меня, как пациента.

Девушка с трудом сдержала смехок.

– Раз уж вы приедете без приглашения. Не упоминайте, что я вам посоветовала обратиться лично к нему. Он...

– Ну что вы, дона Пилар. Смело можете положиться на мое слово. Моя жена как то спросила: когда я уже начну врать, как это делают все мужчины? А я ей говорю: не могу, если пообещал женщине, будь добр исполнить.

Они в такт рассмеялись.

– Спасибо. Приятно осознавать, что настоящие мужчины еще остались.

– И еще один момент. Мой редактор установил такой жесткий срок, что я вынужден монтировать фильм, не сняв и половину материала. Представьте: Леонардо да Винчи должен нарисовать Мона Лизу, а половина ее лица скрыто материей. Абсурдно, правда? А он мне: сдай первого июня, и все тут. Монстр ей богу. Сегодня прямо в самолете буду монтажные склейки набрасывать. Для хронологии мне нужно знать даты выписки пациентов. Может, подсмотрите одним глазком?

– Но я...

– Я могила, вы же помните? Дона Пилар, прошу вас. Это будет наш небольшой секрет. Вы не представляете, сколько времени мне удастся выиграть. А вам обещаю небольшой презент, в знак глубочайшей признательности. Вы так помогли мне.

– Ох, боже мой. Даже не знаю завидовать или сочувствовать вашей жене. Говорите его имя.

– Джеймс Гаррисон, сотрудник английского посольства. Поступил в восемьдесят пятом. И хочу добавить, бывшей жене. Упс, неужели вслух сказал?

Она рассмеялась.

Лис расслышал звонкий стук ногтями по клавиатуре.

– Так, ага нашла. Поступил... шестнадцатого апреля. Палата... ага. Переведен в восемьдесят восьмом на особый режим.

Внезапно девушка сорвалась в крик:

– Миерда! (исп. «Дерьмо»)

Пилар со шлепком закрыла себе рот ладонью.

– Дона Пилар?

– Я не могу вам помочь.

Она бросила трубку.

Лис просидел в тишине несколько минут. Официально умер в восемьдесят пятом, а переведен в восемьдесят восьмом. Это не могло быть ошибкой. Кто-то сознательно объявил его умершим. Но зачем? Во что он ввязался?

Лис принялся судорожно собирать вещи.

Перед выходом он еще раз рассмотрел фото, присланное Михаилом. В этом взгляде читалось отчаяние. Лис не мог с этим смириться. Джеймс в любой ситуации вел себя трезво и уверенно. Это часть специальной подготовки, сломать которую испанским полицейским уж точно не по зубам.

Лис обязан узнать, что с ним произошло.

06 февраля 1985г.

Рим. Италия

Около семи вечера Лис добрался до Капитолийского холма. Поднявшись по широкой пологой лестнице Кордоната, между двух статуй античных героев Рима Кастора и Поллукса Диоскуров, он очутился на Капитолийской площади. В центре на высоком постаменте на него смотрел император Марк Аврелий на своем бронзовом коне. Животное будто бы застыло на ходу, пока император приветствовал поднятой рукой своих подданных.

Лис вспомнил, что однажды читал об этой статуе в журнале. В средние века считалось, что это изображение императора Константина, именно по этой причине статуя не была уничтожена христианами, как памятник языческому царю. Однако несмотря на свое величие, монумент – лишь искусная копия. Оригинал хранился в Палаццо Консерваторе – в одном из трех музеев расположенных на площади. Именно там сегодня должно состояться историческое для Лиса событие.

Он прошел к входу в музей и остановился в ожидании очереди. На главной двери висело скромное объявление о проведении международного форума историков и археологов и извинениями в адрес туристов, которые не смогут посетить музей в этот день.

Лис показал на входе свое приглашение. Охранник внимательно сверил его имя со списком гостей и учтиво пригласил внутрь, назвав доктором Клеманом.

Внутренний двор музея был заполнен десятками людей. В основном это профессора университетов, историки и археологи со всей Европы. Они сбивались в мелкие кучки, обнимались и обсуждали насущные новости. На противоположной стороне стоял помост с микрофоном и двумя высокими колонками. Техники разматывали провода и подключали аппаратуру. Остальное пространство в центре занимали ряды стульев для рассаживания гостей.

На правой стороне у стены находились останки гигантской мраморной статуи императора Константина. Одна только голова превышала два с половиной метра. Лис попытался представить истинные размеры разрушенной статуи, и с языка чуть было не сорвался русский мат.

Лис покарал сам себя за излишнее любопытство и напомнил, что находиться здесь на задании.

Главной проблемой оставалось идентифицировать среди толпы двух археологов, не имея ни малейшего понятия, как они выглядят.

Лис ходил по двору, прислушиваясь к разговорам. Надеялся услышать знакомые фамилии или хотя бы намеки. Вглядывался в лица людей в тщетных попытках отыскать нотки нервозности. Где-то здесь должен находиться Джеймс Гаррисон – его британский коллега. Вопрос только в том: кто первый доберётся до идола?

На помост вышел худощавый седовласый мужчина в смокинге и обратился к присутствующим:

– Добрый вечер дамы и господа. Мы начинаем наш форум, и я с большим удовольствием хочу поприветствовать всех наших гостей и поблагодарить, что вы нашли время почтить нас своим присутствием.

Мужчина зачитал план мероприятий, а также список выступающих с докладами. Основная программа была запланирована на завтра. Требовалось выслушать с десятков различных лекций по истории нескольких эпох. Будь Лис в отпуске, он с удовольствием потратил бы время, чтобы послушать их.

Ведущий принялся рассказывать о роли международного форума для укрепления отношений между историками и учеными. Лис продолжал осматриваться, краем уха вслушиваясь в его слова. Когда прозвучала знакомая фамилия, он замер. Оказалось, что выступление Рауля Весге запланировано на сегодня. Когда ведущий назвал его сенсационным, толстый мужчина, стоявший поодаль за спиной Лиса, крикнул со смеху. По внешности это был типичный англичанин с пролысинами на голове и вывалившимся на колени пузом.

Лис подошел к нему с улыбкой и заговорил:

– Вы тоже находите это смешным, сэр?

– Еще бы. Все его сенсационные находки в пух и прах разбиваются об элементарную логику. Что у него опять на этот раз – мумия инопланетянина? – он снова рассмеялся, обнажив желтые зубы.

– Вы действительно правы, сэр. Из ученого он давно превратился в клоуна.

Англичанин подошел ближе и заговорил шепотом:

– Открою тебе секрет. Ходят слухи, что его родители сначала хотели назвать его Скофи. Так они бы точно описали его дальнейшую судьбу.

Англичанин взорвался смехом. Лис подметил для себя, что слово переводилось с английского как посмешище.

– Что-то я совсем не вижу его сегодня, небось, струсил? – спросил Лис

Англичанин пытался отдышаться после смеха.

– Я видел их. Он со своим дружкой Смитом ушел во внутренние залы, – Лис проследил за его указательным пальцем. – Наверное, голубки пошли пообжиматься перед своим очередным позором.

Лис, не дослушав направился к восточному входу. В первом зале было безлюдно, если не считать десятков крестьян, ангелов и окровавленных в бою рыцарей застывших на века в красочных фресках. Лис прошел в следующий зал. На встречу попался высокорослый мужчина.

– Рауль, – произнес Лис себе под нос.

Мужчина никак не отреагировал. Значит нет.

Лис вышел в большой зал, где находился оригинал бронзовой статуи Марка Аврелия и еще несколько останков монументов знаменитого императора. Зал пуст.

Лис услышал звук тяжелого дыхания. Кто-то звал на помощь. Завернув за помост статуи императора, он увидел лежащего на полу мужчину с ярко выраженной испанской внешностью. Вокруг никого.

– Карл, – мужчина кашлял. – Он, кажется, убил Карла. Боже правый.

В нескольких метрах находился вход в следующий зал. Пол у проема был залит кровью. Лис вытащил оружие и прицелился. Сегодня ему впервые удалось познакомиться с немецким пистолетом Вальтер П-5. Легкий, короткий. Он отлично сидел в руке. Что ни говори, а с нашим Макаровым не сравнить.

Второй рукой он перевернул мужчину. Его одежда чиста. Кровь ему не принадлежала. Мужчина держался за живот и с трудом дышал. На лице с правой стороны надулась небольшая гематома.

– Ты Рауль Весге? – спросил Лис по-испански.

Родной язык словно придал ему сил. Он открыл глаза и всмотрелся в лицо незнакомца.

– Да. Прошу вызовите полицию. Он убил Карла.

– Где идол?

– Что? Кто вы?

– Идол! – Лис надавил коленом ему на живот. – Где он?

Рауль застонал. Он указал пальцем на дверной проем.

– Он забрал его. Он был в маске. Боже мой, он убил Карла. Святая Мария. Боже!

Лис рванул в проем, держа на изготовке пистолет. Аккуратно выглянул из-за угла. Коридор заворачивал направо и вел к уборным. Он пробежал к повороту, старясь не наступить в кровь. Красные пятна тянулись по стенам и коридору. Очевидно, что раненый Карл пытался бежать.

За углом Лис увидел распахнутую дверь, ведущую в подвалы и лестницу напротив со спуском в уборные.

Сзади раздался женский крик. Рауля обнаружили. С минуты на минуту сюда прибудет полиция, все входы и выходы будут перекрыты. Если он не сбежит сейчас, его поимка будет всего лишь вопросом времени.

Лис забежал в уборную, протер пистолет от отпечатков и выбросил в урну. Далее распахнул окно и вылез наружу. На стоянке, как и договаривались, ждал черный фиат. Лис сел на заднее сидение, и автомобиль рванул с места.

– Ну что? Достал? – с нетерпением спросил Виктор.

Лис отдышался и расправил затянувший шею галстук. Кровь пульсировала в висках.

– Нет. Меня опередили.

– Что? Ты серьезно?

– Англичанин добрался до него первым.

Виктор нажал на тормоза. Лис, не успев ухватиться за ручку, врезался лицом в подголовник.

– Нужно вернуться. Он не мог далеко уйти.

Виктор развернул машину, едва не столкнувшись с двумя встречными автомобилями. Те громко просигналили.

– Туда нельзя возвращаться. С минуты на минуту там будет полиция.

– Ты его видел?

– Нет. Рауль сказал, он был в маске. Скорее всего ушел через подвалы.

Виктор сбавил скорость.

– Господи, господи, господи...

– Нужно связаться с Центром, – сказал Лис.

– Нет! Нельзя!

Виктор, что есть силы, сжал обод руля. Его лицо покраснело, по щеке скатилась капля пота.

– Им нельзя сообщать, что мы провалились. Нам конец, ты понимаешь?

Лис положил ему руку на плечо. Виктора пробила дрожь.

– Мы еще не провалились. Поезжай куда-нибудь, где можем отсидеться. Мне нужна информация об этом агенте МИ-6. Все что у тебя есть.

Они добрались до конспиративной квартиры практически в центре Рима. Виктор всю дорогу молчал, изредка что-то нашептывая себе под нос.

Лис ругал себя за излишества, допущенные им на конференции. Он действовал медлительно, и это не позволило опередить Джеймса Гаррисона. Теперь главной задачей было вычислить агента и перехватить его первым, до того как тот покинет страну.

Виктор предоставил всю имеющуюся информацию. Как оказалось, ничего нового узнать не удалось. Ни описаний внешности, ни каких-то других подробностей, кроме имени, которое, скорее всего, было легендой.

Виктор стоял у окна, всматриваясь в дорожное движение. Он обнял себя руками и закусил нижнюю губу. Разведчик отчаянно пытался отыскать своим взором агента МИ-6 прямо из окна.

– Ты говорил, что без приглашения нельзя было попасть на форум? – спросил Лис.

Виктор не отреагировал. Лис громко произнес его имя. Тот вздрогнул как от выстрела.

– Да, да.

– Достань мне список!

Виктор вернулся через несколько часов. Он передал Лису список гостей, переписанный от руки.

– Есть новости. Весь город на ушах стоит. Покушение на убийство совершенное в Палаццо Консерваторе. Карл Смит жив, он в больнице. Рауля Весге доставили в полицию. Я попытаюсь выяснить, что он им расскажет.

Лис кивнул.

– А что ты собираешься делать?

Лис пролистывал список, запивая горячим кофе.

– Искать нашего английского коллегу.

– Что если он уже покинул страну?

Лис уловил умоляющий взгляд Виктора.

– Тогда у нас большие проблемы. Но мы не будем об этом думать, хорошо? А теперь езжай.

Лис внимательно просмотрел список. Он не совсем понимал что нужно искать. У него в руках пока что единственная зацепка. Ответ прямо перед глазами, нужно еще чуть больше информации.

Через полчаса раздался звонок.

– Это я. Свой человек в полиции сообщил, что здание было оцеплено уже через семь минут после звонка. Всех гостей сверили со списком, и хочешь узнать, кого не хватает? Жан Жака Клемана. Теперь ты главный подозреваемый в нападении. Какой-то посетитель сказал, что ты спрашивал у него как найти Рауля Весге, а затем пошел за ним.

– Значит, нападавший не сбежал. Он покинул здание как посетитель.

– Но их всех проверили.

– Ты что не понимаешь? Он спрятал идола внутри! Когда полицейские уедут, он вернется, чтобы забрать его.

На другом конце провода послышался какой-то шум. Затем громкие голоса. Виктор убрал трубку в сторону и с кем то говорил.

– Корнелиу! Что происходит?

– Беги, – прозвучало по-русски. Голос быстро удалялся и в конце концов затих.

Соединение прервалось.

Наши дни.

Мадрид. Испания.

Самолет снижался и готовился к посадке. В иллюминаторе раскинулся гигантский город в отблеске утреннего солнца. Из каждого уголка на него глядели архитектурные шедевры столицы Испании. Много лет назад, когда Лис впервые бывал здесь, ему так не удалось свободно прогуляться по широким аллеям и рассмотреть достопримечательности. Он надеялся, что сможет это сделать сейчас.

Самолет сделал круг над аэропортом и заходил на посадку. В нескольких километрах к западу раскинулась площадь Пуэрта де Соль, служащая нулевой точкой для отсчета расстояний в Испании. Любимое место прогулки туристов с испанского переводится как «Площадь Ворот Солнца». Хотя никаких ворот на площади нет. В пятнадцатом веке здесь проходила крепостная стена и главные городские ворота.

Самолет коснулся полосы почти незаметно. Несмотря на гул тормозящих интерцепторов, Лис почувствовал облегчение и теперь снова прогонял в голове задуманный план.

Перед взором иллюминатора появился терминал международного Аэропорта Бараксас. Длинное здание одного из самых больших аэропортов мира покрывала ярко-желтая волнообразная крыша.

К самолету пристыковался рукав входа\выхода и пассажиры, вспорхнув с кресел, начали суетиться в поиске своих вещей. Лис сидел спокойно, выжидая пока толпа покинет самолет.

Поднявшись в основную часть терминала, он оторопел. Крыша прогибалась на десятки метров вверх и вниз. Изгибы подпирались желтыми стальными подпорками в форме рога-ток. Вся конструкция представляла собой шедевр дизайнерской и научно-технической мысли.

Пройдя таможенный контроль и получив багаж, он вышел из здания, где его уже ожидало такси.

Глава 3

Москва. Россия

Голованов остановился у двери начальника. На широкой стальной табличке нанесена надпись: «Заместитель директора по операциям». Голованов улыбнулся, представив свою фамилию, следующую за высокой должностью. Он был уверен – это еще очень далекое, но все же будущее. Слишком долго он сидит на стуле и пишет бесконечные отчеты по чужой оперативной работе. Будь они прокляты. Он достоин гораздо большего. Все поручения выполняет в срок, но начальство в упор не хочет этого замечать. Он оперативник, его место в тылу. Нужно только доказать, сделать что-нибудь настоящее, значимое. Голованов был уверен – такой момент наступил. Он вцепиться в него зубами и не отпустит. За ценой не постоит.

Голованов вошел после стука и на миг замер. Полковник Мамонтов отсутствовал на своем могучем кресле, изготовленном по спецзаказу, чтобы уместить его жирную задницу.

– Эм, Геннадий Павлович? – сказал он в пустоту.

– Что тебе Голованов? – ответил голос, откуда то из-за двери. – Заходи, давай уже! Тепло не выгоняй!

Голованов впорхнул в кабинет и устался на начальника. Мамонтов отошел от чайника, помешивая горячий кофе. Голованов представил: он хватает чашку и выливает кипяток начальнику на его лысую башку. После чего кожа съезживается и стекает по заплывшей шее, стирая навсегда эту отвратную ухмылку.

– Ну, говори, давай уже. Заплесневел что ли?

Голованов выпрямился, выпучив вперед грудь.

– Геннадий Петрович, по моему запросу пришла оперативная информация: Серебряный Лис вылетел из Берлина в Мадрид. Он забронировал гостиницу Сентро Мадрид. Также я получил подтверждение наличия у подозреваемого рака желудка в запущенной форме. Врач подтвердил, что без амбулаторного лечения и, учитывая, его физическое состояние ему осталось жить несколько месяцев.

Мамонтов плюхнулся в кресло. На толику секунды Голованов успел взмолился, чтобы оно развалилось.

– Продолжай следить за его перемещением. Видимо, решил нагуляться перед смертью. Докладывай об изменениях.

Голованов с трудом победил порыв организма выбежать из кабинета.

– Геннадий Петрович, я досконально изучил его досье и сделал вывод, что есть вероятность его обращения в иностранные спецслужбы или даже в прессу. Если...

– Поверь мне Голованов, – перебил Мамонтов. – Когда он знал важные государственные тайны, ты еще титьку у мамы посасывал. Сейчас ему нечего им сообщить.

Голованов задрожал. В голове возникли обрывки воспоминаний: уроки по контролю за эмоциональным и физическим состоянием в стрессовой ситуации. Он убрал руки за спину и растопырил пальцы. Сухожилия напряглись до предела, снимая с мозга стрессовую нагрузку.

– Он может рассказать о письме и заложенной бомбе. Мы же никуда не сообщили. Я боюсь, нас обвинят, что не среагировали на потенциальную террористическую угрозу, а также допустили побег за границу человека, обладающего сведениями о государственной тайне. Очевидно же – он сошел с ума. Кто знает, что он там наговорит журналистам. Даже если соврет, потом будет сложно опровергнуть. Я... – он сделал неловкую паузу, собираясь с силами перед решающим рывком – Я считаю, его нужно задержать.

Голованов по-лакейски выпрямил спину.

Мамонтов сделал глубокий плоток. Желудок зажурчал неприкрыто громко. Ни капли, не смутившись он погладил себя по отвисшему пузу.

– Кто ближе всех из оперативников?

Голованов мгновенно представил в голове секретную карту расположения оперативных сотрудников в Европе. Ему захотелось соврать все что угодно, лишь бы не произносить это ненавистное имя.

– Волк, – выдавил Голованов. – Но завтра он должен вылететь в Париж.

Мамонтов задумался и поглядел на календарь. Эти секунды показались Голованову вечностью.

– Ничего, перенесет. Пусть перехватит его и допросит. Дальше работает по ситуации.

Голованов понял, что момент настал.

– Геннадий Петрович. У Волка серьезная задача в Париже – завтра намечена встреча с Оливье Мартелом. Ему незачем отвлекаться на такие мелочи. Я изучил все досье и операции Лиса. Я хотел бы сам поехать.

Мамонтов замер на глотке. Голованов впервые увидел взгляд, о котором ходили бесчисленные слухи среди коллег. Он почувствовал себя маленьким мальчишкой, попавшимся отцу с недокуренной сигаретой.

– Ты меня не понял что ли? Волк!

– Так точно. Понял.

Если бы у него сейчас был при себе пистолет, он бы выпустил целую обойму в этого жирного ублюдка.

Голованов вышел за дверь. Его трясло от злости. Волк – это имя снова встала на его пути. Он ненавидел этого самоуверенного выскочку, который получает все на золотом блюде, пока Голованов грызет себе путь собственными зубами. Все из-за его папашки – отставного генерала внешней разведки. Лучшего друга Мамонтова.

Голованов не обратил внимания, как смял на столе папку с документами на подпись. Секретарь смотрела на него с невозмутимым спокойствием. Ей слишком часто приходилось видеть людей в таком состоянии после аудиенции начальника.

Натянуто извинившись, он направился к себе. Голованов не замечал никого вокруг, изрыгая про себя проклятия на происходящую несправедливость. Чем он хуже? Волк появился здесь всего три года назад, плюет на все правила и уже на оперативной работе.

Когда Голованов дошел до своей двери, его озарила мысль. Окрыленный внезапной идеей, он опустил жалюзи и выключил свет.

Голованов сел в свое кресло преисполненный оптимизмом. Теперь он сделает то, о чем мечтал много лет. Он отомстит.

Парла. Испания

Пилар Перес всматривалась в стопку историй болезней. Она обязана разложить их до одиннадцати утра, но вот уже час не решалась даже взять в руки. Ее отвлекал поток нескончаемых мыслей. В голове до сих пор гроыхал голос главного врача: «Глупая дура!»; «Чем ты думала?»; «Ты нас подставила!». Этот разговор состоялся утром, когда она сообщила ему по телефону о странном журналисте, заинтересовавшемся одним пациентом. К ее удивлению, сеньор Сантьяго примчался уже через несколько часов с группой неизвестных ей мужчин и вызвал ее в свой кабинет. Облокотившись на стол, он курил прямо в кабинете, что было категорически запрещено. Начальник был невероятно зол и одновременно испуган.

«Как вы смеете на меня кричать? Другая бы на моем месте испугалась, умолчала и вы бы не узнали об этом звонке. Я не дала ему никакой информации о пациенте, за исклю-

чением того, что он и так знал» – Эту фразу она заготовила перед входом, но от страха так и не решилась озвучить. Впервые в своей жизни она чувствовала себя такой униженной и беспомощной.

Откуда ей было знать, что информация даже об имени некоторых пациентов строго секретна? При принятии на работу никто не проинструктировал о таких тонкостях.

Что же будет, если этот журналист все-таки придет? Конечно, она получила инструкции от сеньора Сантьяго: незамедлительно сообщить ему и постараться сделать все, чтобы до его прихода журналист не ушел. Значит, ей придется врать. А это у нее получалось в жизни хуже всего.

Утро выдалось на редкость спокойным. Врачи и медсестры заняты своим делом наверху и до сих пор никто ее не потревожил. Она допивала чашку холодного кофе, уставившись в монитор.

Ей овладело нестерпимое чувство любопытства с первой секунды, когда она покинула кабинет главного врача. Пилар перерыла всю картотеку в поиске истории болезни Джеймса Гаррисона, включая старый архив начала прошлого века. Итог – ни одного упоминания. В электронной базе данных он также уже не числился. Видимо, ошибку по поручению главного врача быстро устранили. Однако ей удалось запомнить номер палаты. Это было то самое крыло, куда вход разрешен только очень узкому кругу врачей. Говорят, там содержат особо буйных и опасных пациентов: насильников, убийц, педофилов. Они сидят в одиночных камерах и каждую ночь спят пристегнутыми жесткими ремнями к кровати.

Ее передернуло от ужаса.

И что такое мог натворить этот человек, чтобы быть настолько известным, дабы о нем хотели снять передачу и одновременно засекреченным? Она попыталась отыскать информацию о нем в интернете. Опять ничего.

– Буенос диас сеньора, – отвлек ее мужчина с сильным французским акцентом.

Пилар вздрогнула. Она совершенно не заметила, как он вошел. Она вмиг свернула страничку поиска с именем Джеймса Гаррисона.

– Буенос диас сеньор, – вымолвила она, наконец. – Чем могу вам помочь?

Мужчина с густыми седыми волосами свободной рукой поправил усы, затем сделал несколько шагов к стойке, опираясь на тонкий костыль.

– Мое имя Оливье Морель. Я отец Софи Ламбер. Хочу повидать свою дочь.

Пилар не поверила своим ушам. При упоминании этой истории по спине до сих пор пробегал холодок.

Софи Ламбер попала сюда по решению суда, признанная невменяемой за убийство своего четырехлетнего сына. На суде она заявила, что убить его заставил внутренний голос, сообщивший о надвигающемся конце света. Несколько недель назад она сбежала из своей палаты, непонятным образом проскользнув через охрану. Затем раскупорила окно и выбросилась с третьего этажа, приземлившись спиной на ограждение. Женщина скончалась через несколько часов в реанимации. Поговаривали, что это была уже восьмая попытка самоубийства за последние пять лет.

– Вы не могли бы присесть, я сейчас приглашу заведующего, – сказала Пилар, стараясь сохранить ровный голос.

– Лучше я постою милочка, сесть и встать для меня одна трагедия.

– Мы вам поможем, не переживайте.

Старик не сдвинулся с места.

Пилар набрала номер, но никто не ответил. Она вышла в коридор и попросила медсестру срочно найти заведующего.

Через несколько минут размеренным шагом спустился Эммануэль. Он был как всегда безупречен: выбрит до зеркального блеска; волосы стоят аккуратным ежиком. Когда муж-

чина проследовал мимо, Пилар незаметно вздохнула его бриз. Снова тот самый аромат, что каждый раз сводил с ума. И почему такие мужчины никогда не обращают на нее внимание?

Свет солнца пробивался через высокие витражи и на его фоне, халат Эммануэля казался белее снега.

– Доктор Гарсия, – он протянул руку.

Старик ответил слабым рукопожатием.

– У вас есть собой какие-нибудь документы? – спросил Эммануэль.

– Зачем? – удивился старик.

– По нашим данным у Софи родители погибли много лет назад.

Старик призадумался.

– Ах, да моя бывшая жена и ее второй муж погибли в девяносто первом. Это был ее отчим. Она взяла его фамилию после нашего развода, – Он пошарил карманы куртки, – паспорт, видимо, оставил в отеле.

– К сожалению, я не имею права, – начал Эммануэль.

Старик подошёл вплотную и схватил доктора за руку.

– Прошу. Я очень болен, – костыль с грохотом упал на пол. – Она моя единственная дочь. Я хочу увидеть ее в последний раз. Я должен попросить прощения. Я непутевый отец. Умоляю.

Старик заплакал, повиснув на руке заведующего, как на поручне. Пилар подбежала и перехватила его сзади.

– Она умерла, – вырвалось у нее. Пилар не смогла сдержать слез. – Мне очень жаль, она покончила с собой.

Старик закричал и обмяк. Эммануэль перехватил его за плечи и оттащил к дивану.

– Дура! Реанимационный набор живо. Звони сто двенадцать.

В холл вбежали санитары, рывком забросили худое тело на носилки и направились наверх. В реанимационной пациента положили на стол. Множество людей в белых халатах прибежали по сигналу вызова.

– Пульс хорошо прощупывается, тахикардия, – сказала женщина врач, – Кто он?

Эммануэль объяснил, взяв вину за сообщение о гибели дочери на себя.

– А вас не учили, как нужно сообщать родственникам? – грозно отозвалась она.

– Я не...

В комнату ворвался главврач.

– Санитары скорой помощи уже поднимаются. Как он?

– Стабильно, – ответила женщина – Просто обморок.

– Пусть забирают, – отмахнулся он и ушел.

Когда прибывшие санитары скорой помощи вышли в холл с носилками, Пилар заметила, что старик дышал. Она глубоко вздохнула от облегчения, однако, руки до сих пор неконтролируемо дрожали. Ей предстоял еще один очень не приятный разговор. Пилар не имела права сообщать посетителям о состоянии здоровья пациентов. Такое право есть только у врачей. В тот момент она будто отключилась от своего сознания. Жалость и сострадание взяли управление мыслями в свои руки.

Старика на носилках загрузили в машину и увезли. Как потом указали в отчете: из коридора клиники пожилой мужчина непонятным образом исчез и растворился в толпе.

Старик больше не хромал, и даже наоборот шел вприпрыжку от переизбытка адреналина. Усы и парик он выбросил в мусорное ведро по пути в гостиницу.

Лис очень торопился, вскоре они заметят пропажу.

Волк сидел у своего компьютера в недоумении. Только что пришло задание по зашифрованному каналу связи. Он перечитал письмо несколько раз, проверил соблюдение всех сопутствующих протоколов в надежде, что произошла ошибка.

Ошибок нет.

Кроме того смущало не только задание, но и подпись исполнителя. На миг он решил, что это специально спланированный саботаж. Если так, то Голованов действительно самый тупой кретин на всем белом свете. Разуверившись в своих подозрениях, он вышел на балкон.

День выдался солнечным. Волк навалился на перила, наблюдая за стаей голубей на соседней крыше. Если абстрагироваться от архитектурных различий, можно с легкостью ощутить атмосферу родного города. Через неделю он должен был вернуться в Санкт-Петербург. Завтра задание должно быть исполнено и тогда – заслуженный отпуск. А еще он планировал посмотреть матч Зенита с Локомотивом и новые перспективы его совершенно не радовали.

Он соскучился по родителям и собаке, по своим друзьям и разгульной ночной жизни. Посетив несколько местных клубов, он разочаровался в красоте европейских женщин и скучной культуре отдыха. Все что ему сейчас требовалось – это хорошая компания русских красавиц и бутылка текилы.

Волк вернулся в комнату и еще раз перечитал сообщение. Итак, задача проста: обнаружить бывшего нелегала, у которого на старости лет поехала крыша, и тот возомнил себя террористом-подрывником, угрожавшим взорвать Академию внешней разведки.

На первый взгляд задание проще некуда, однако, в этом и заключалась основная проблема – с ней мог справиться даже студент. Использовать оперативника-профессионала, с его послужным списком по меньшей мере глупо.

Волк еще раз посмотрел на подпись исполнителя. Вероятно, дело в нем? Этот неудачник решил, таким образом, ему отомстить и сорвать завтрашнюю операцию? Что он наговорил Мамонтову? Волк схватил телефон, выбрал номер и замер в ожидании. А может быть это очередная проверка? Он вспомнил многочисленные тренировочные задания, которым его подвергало СВР. Однако все они были там – в родных границах, под присмотром руководства. А здесь он один, или все-таки нет? Ни для кого не секрет, что добрая половина сотрудников посольств занимается шпионажем. Волк сам с этого начинал еще в Пекине два года назад. Тогда он чуть не попался при передаче секретных банковских сведений от местного чиновника. Вот это были времена.

Он принял душ, начистил до блеска туфли и спустился на ресепшн. Договорился о продлении номера еще на одну ночь, а также попросил перенести его вылет в Париж на день позже. Он твердо решил действовать согласно полученным инструкциям, вспомнив главное правило, которое еще отец вдолбил ему с детства – приказы не обсуждают. Кстати, он в очередной раз напомнил себе связаться с отцом и уточнить о его самочувствии. Несколько дней назад мать прислала смс, где сообщила, что отец сломал лодыжку, упав с крыши дачного домика, в попытке заменить протекающую кровлю. Смс заканчивалось фразой – «... вот так всегда». Мать часто употребляла эти слова, когда срабатывало ее: «я же говорила». Отец славился своим чрезвычайным упрямством. Если что-то задумает, его не отговорить. Пару недель назад в последнем разговоре Волк убеждал его дождаться возвращения сына чтобы починить крышу вместе. Папа в очередной раз поступил по-своему. Вот так всегда. Хорошо это или плохо, но в последние годы мать стала часто употреблять эти слова и в адрес сына, добавляя при этом – «яблочко от яблони».

К центральному входу отеля Сентро Мадрид на улице Аточа подъехал черный мерседес. Волк осмотрелся и быстрым шагом пошел к входу. У дверей он вдавил кнопку сигнализации. Охранная система просигналила в ответ. Как жаль, что служебный автомобиль нельзя

забрать в Питер. Там бы он вдоволь насладился вниманием падких на дорогие автомобили девчонок.

Он остановился на ресепшене.

– Буенос Тардес сеньор, чем могу служить? – спросила девушка в строгом синем пиджаке и затянутыми в тугий хвост волосами.

Волк навалился на стойку. Накаченные бицепсы хребтами выпирали из облегающей футболки. Каждый волосок на голове, пропитанный гелем знал свое место. Узкая борода ровной линией тянулась вниз от ушей по кромке лица, расширяясь к подбородку. Волк снял очки-авиаторы с желтым отблеском стекол и повесил душкой на ворот футболки.

– Здравствуйте Мария, – сказал он, прочитав имя на бейдже. – Хочу связаться с одним из постояльцев.

Она подняла телефонную трубку.

– Номер комнаты?

Волк зацепил большим и средним пальцем ручку со стола и принялся вертеть ей, из стороны в сторону.

– Я не знаю номера комнаты.

Девушка положила трубку, на ее лице промелькнула нотка разочарования.

– Мне жаль сеньор.

– Скобелев, – вставил Волк.

– Сеньор Скобелев, мы не имеем права разглашать личную информацию постояльцев.

Волк заговорил приглушенным голосом.

– Дорогая Мария. Мой отец старый больной человек. У него проблемы с памятью. Он обещал позвонить по прибытии. Я очень переживаю все ли с ним в порядке. Отказывая мне, вы рискуете его жизнью.

Мария вздохнула с неприкрытым отчаянием.

– Мария, ваши великолепные глаза не могут отказать. Только не сегодня. Человек в беде.

Она осмотрелась и решительно подвинулась ближе.

– Представим, что вы знали номер. Хорошо?

Волк подмигнул.

– Скобелев Игорь Сергеевич.

Она вбила имя в графу поиска.

– Такого жильца не зарегистрировано.

– Как это??

– У меня сказано, что бронь на Игоря Скобелева была снята вчера автоматически – клиент не явился.

Волк выдавил улыбку и попрощался. Девушка попыталась предложить непутевому «сыну» обратиться в полицию или местные больницы, но он уже никого не слышал вокруг себя.

Выйдя на улицу, Волк оперся на стальные перилла и задумался.

Старик, оказывается, не так прост на первый взгляд.

Лис бросил на стол кипу пластиковых пропусков, которые ему удалось стащить со стола Пилар Перес. Внимательно изучив каждую карточку, он отложил в сторону наиболее подходящий вариант. Согласно дате выдачи: Гарсия Лопез устроился в лечебницу всего неделю назад. Лис надеялся, что за такой короткий срок работника могли не запомнить в лицо. И часто ли вы обращаете внимание на уборщиков?

Лис достал из бумажника заранее заготовленные и нарезанные фотографии; выбрал одну по размеру и аккуратно приложил к карточке. Через полчаса новый пропуск был готов.

По графику, который ему удалось рассмотреть на столе Пилар, Гарсия должен выйти в двухчасовую смену сегодня в восемь вечера. Следовательно, у него был только один шанс, чтобы беспрепятственно попасть в больницу. Кроме того по пути в реанимацию он отлично изучил расположение коридоров и кабинетов.

Лис позвонил Гарсия и, представившись, напарником попросил его подмениться. Гарсия на радостях не заметил подвоха.

Лис выпил обезболивающее по графику. Современной медицине нужно отдать должное – она научилась снимать боль, иначе бы он давно пустил себе пулю в висок. Но побочные действия вносили существенные сложности в жизнь, особенно сейчас. Главными из них оставались слабость и сонливость. Лис волочил ноги к кушетке, чтобы отдохнуть оставшиеся несколько часов.

Он развернул газету. На главной странице напечатано фото большого деревянного креста, с распятым Иисусом, водруженным на помост. Большая толпа паломников пронесла его по многолюдной улице. В статье рассказывалось о прошедшем накануне празднике Семана Санта, что в переводе означало: «Страстная неделя». Предшествующий пасхе праздник собирал в свои ряды тысячи людей и отмечался очень масштабно. На последней странице в хронике происшествий, располагалась крошечная заметка, обведенная ручкой о молодой девушке, покончившей с собой в местной психиатрической клинике.

13:32

07 февраля 1985г.

Рим. Италия

Лис сидел несколько минут в тишине, слушая короткие гудки. Очевидно, что Виктора задержали. А значит, они вычислят эту квартиру довольно быстро. Нужно срочно уходить.

Лис собрал вещи. В тайнике под ванной хранился еще один пистолет, много наличности и новый паспорт на имя Люка Пекарда. Лис подстриг волосы ножницами максимально коротко, наклеил тонкие усики, уничтожил все улики и отпечатки.

Он взял такси и направился в торговый квартал, где планировал сменить одежду. По дороге его не отпускали мысли о Викторе. В чем он мог проколоться? Что они теперь знают о нем? Лис не мог и не имел права пытаться помочь напарнику, тем самым поставить результат операции под угрозу. Его задача заполучить идола и доставить на родину. Это самое главное, ничто и никто не может быть важнее. Нельзя допустить, чтобы идол достался противнику.

Сменив одежду на более удобные джинсы и кроссовки, он вернулся на капитолийский холм. Существовала вероятность, что Виктор быстро расколется. А значит, контрразведка оставит в Палаццо Консерваторе засаду.

Другого выхода у него не было, придется рисковать.

Лис бродил по окрестностям до самого вечера, прикупив в магазине фонарик и набор инструментов. Время от времени он обходил здание Палаццо Консерваторе, чтобы проверить на месте ли полиция. Начиная с семи вечера, он обосновался неподалеку от музея в лесопарковой зоне. Не было никаких сомнений, что после произошедшего руководство музея оставит усиленную охрану. Джеймс Гаррисон имел преимущество. Место тайника для идола и путь был заранее спланирован. Лису же требуется начать с нуля, да еще и обогнать соперника.

К девяти часам вечера ночь уже всю хозяйничала на капитолийском холме. Последние автомобили полиции покинули здание. Музей закрыл все двери, а значит – час пробил. Пока Лис находился в засаде, он изучил схему и историю Капитолийского музея, благо подробная брошюра продавалась в соседнем магазине. В 16 веке на месте не сохранившегося храма Юпитера было построено Палаццо Каффарелли. Дворец примыкал с задней сто-

роны к Палаццо Консерваторе и на сегодняшний день являлся частью Капитолийского музея. Южнее главного входа располагалась дверь, ведущая в подвалы. Другого варианта без шума проникнуть во дворец, за такой короткий срок ему не удалось придумать. Возможно, Джеймс Гаррисон сумел выдать себя за охранника и уже сейчас направляется вниз за своим тайником. Если так, то нельзя терять ни минуты.

Лис перелез через старый кирпичный забор, опоясывающий парк. Пробежал под аркой и оказался на окраине здания у двери. Макушки деревьев шумели, развиваясь на ветру. Медленно капал дождь. Пока Лис возился с замком с помощью двух отверток, дождь разыгрался не на шутку. Он надеялся, что шум воды и ветра заглушит его потуги с металлической дверью.

На открытие замка ушло больше времени, чем он рассчитывал. Лис выругался. Такое впечатление, что эту дверь не открывали со времен средневековья. Вода с мокрых волос стекала по лицу, мешая обзору.

Зацепив, наконец, нужную звездочку, он с силой рванул на себя и дверь с протяжным скрипом отворилась. Осмотревшись по сторонам в поиске свидетелей, он проскользнул внутрь. Лис включил фонарик и осмотрелся. Комнатка была крохотной и больше походила на временный склад ненужного хлама. К счастью слева в углу он заметил то, что искал. Тяжелая деревянная дверь с мощным стальным засовом вела в подвал, откуда сквозило затхлостью. Она оказалась не заперта.

Лис спустился по пологой лестнице. Мокрые кроссовки шваркали по полу и грозили выдать его местонахождение местным привидениям. Толстые стены были выложены из сколотого почерневшего кирпича. Они обеспечивали хорошую звукоизоляцию, благодаря которой он не слышал ни единого шороха извне. По внешним стенкам просачивались ручейки дождевой воды. Та, что не успевала впитаться в землю, смешивалась с вековой грязью, издавая непередаваемую вонь. Чтобы избежать лишнего шума Лис двигался медленно, аккуратно окуная ноги в черную вязкую жижу.

Лис прошел прямо по низкому сводчатому коридору несколько десятков метров, не сворачивая, и по его расчетам был уже рядом с входом в подвалы Палаццо Консерваторе. Действительно впереди он заметил, что коридор сужался и резко уходил вниз.

Лис остановился на краю и посветил лучом фонаря. Когда то здесь стояла дверь. Перепад высот оказался небольшим – около двух метров. Однако достаточно крутым, чтобы спокойно удерживаться на ногах. Окрас стен и качество кирпичной кладки существенно изменилось. Очевидно, в этом месте два здания соединялись. Он на правильном пути.

Зажав фонарик в зубах, Лис растопырил руки в форме буквы «Т» и направился вниз. Ладони путались в зарослях паутины. Ноги проскальзывали по грязи. Дойдя практически до самого низа, он расслабился и в какой-то момент правая нога соскользнула. Лис рухнул копчиком на каменный пол и прокатился по грязи несколько метров. Фонарик выпал из рук.

Лис лежал в зловонной луже, окруженный крошечной темнотой. Попытавшись подняться, он закричал от боли. Внезапно услышал нарастающий звук. Направление невозможно определить, звук был повсюду. Что-то многочисленное шипело, хлопало по грязи и быстро приближалось.

Лис не успел подняться на ноги. Крысы заскочили на него как на поверженного животного в прерии. Он судорожно отползал назад, хватая невидимые пищащие тушки и отбрасывая в стороны. Острые зубы вгрызались в кожу на ногах, потом на животе. Одна тварь уцепилась в плечо.

Лис забыл обо всем, его пронзил ужас. Он резко перевернулся на живот, сдавил насмерть нескольких особей своим весом и вскочил на ноги. Затем побежал в сторону фонарика, сдирая с себя оставшихся пожирателей.

Когда он осветил место нападения, живые крысы уже пожирали мертвых. Раны от укусов горячо зудились. Перепугавшись, что заразиться какой-нибудь крысиной чумой, он принялся панически осматривать себя и насчитал десяток укусов по всему телу. Тело бросило в жар; закружилась голова; легкие задыхались от нехватки свежего воздуха.

Через некоторое время Лис взял себя в руки. Причиной его состояния могла стать обычная паника и самовнушение. Он закрыл глаза, сделал несколько глубоких вдохов и почувствовал облегчение. Не было никаких сомнений, что как только все закончится, ему потребуется врач.

Подвалы Палаццо Консерваторе больше походили на лабиринт, в котором Лис несколько раз заплутал, прежде чем нашел выход. По дороге он придавил еще парочку крыс и наслаждался их предсмертными воплями.

Поднявшись на несколько ступеней, Лис потянул дверь на себя и та с легкостью поддалась. Он высунул голову, осмотрел коридор – никого. Залитые кровью полы старательно отмыли.

Лис перезарядил пистолет и направился в сторону выставочных залов. Первый оказался пуст. Лис взглянул на то место, где вчера обнаружил Рауля Весге. Освещаемая лунным светом, через стеклянную крышу, статуя Марка Аврелия переливалась отблесками золота.

Лис зашел в следующий зал и увидел на полу тело. Мужчина лежал на боку. На нем была форма охранника, фуражка укатилась в противоположную сторону зала. Так как отсутствовали следы крови, а пульс находился в пределах нормы, Лис сделал вывод, что охранника усыпили.

Из глубины музея приближались шаги. Моментально отпрыгнув к стене, он спрятался за статуей голого мальчика, сидящего на пне и вытаскивающего из ступни занозу.

Невысокий Мужчина шел уверенной походкой. Он затормозил перед охранником, толкнул его ногой и, удостоверившись в глубоком сне бедолаги, направился дальше. Минув статую, он внезапно остановился. Лис услышал, как незнакомец принимается и понял, что нужно действовать.

Он выскочил из-за спины и направил пистолет мужчине в затылок.

– Стоять! – сказал Лис по-английски.

Мужчина не шелохнулся. Он был одет в форму охранника, на голове бейсболка.

– Подними руки и медленно повернись.

Тот повиновался. Лис заметил по плавным движениям абсолютное спокойствие и сосредоточенность. Это был англичанин – плотный, если даже не сказать с небольшим лишком на боках; возрастом около тридцати пяти.

– Джеймс Гаррисон, не так ли?

Мужчина пожал плечами, с неподдельным интересом наблюдая за каждым движением Лиса.

– Сейчас мы вместе пойдем туда, куда ты шел и ты отдашь его мне, – Лис пытался говорить намного грубее, чем обычно.

Мужчина сжал губы.

– А куда я шел?

– Я знаю, ты спрятал его в подвале. Ну же, иди вперед! – Лис сделал шаг навстречу и между ними осталось не более полутора метров.

К его удивлению мужчина никак не отреагировал.

– Что вам нужно? – спросил он.

Лис скрипнул зубами. Он вложил большой палец руки в ладонь и надавил на него сверху остальными четырьмя. Мужчина с занятым любопытством отреагировал на хруст.

– Выверни карманы, быстро! – гаркнул Лис.

Мужчина бросил на пол содержимое: деньги, ключи, какие-то бумажки.

– Где идол?! Говори, или я застрелю тебя – взбесился Лис.

Мужчина в ответ только рассмеялся.

– Айван, я вообще не понимаю, о чем ты говоришь!

– Руки не опускать!

Мужчина продолжал улыбаться, обнажив ровные белые зубы.

– Вы русские всегда начинаете говорить с акцентом, когда нервничаете. За один день сразу два штуки. Если не Айван, то, как там тебя?

Лис замолчал.

– И, кстати, ты оправдываешь поговорку. Ты действительно прошел через дерьмо, чтобы сюда попасть, – мужчина расхохотался. – Или это у вас в СССР одеколоны такие?

Лис внезапно почувствовал себя растерянным.

– Заткнись! Иначе выстрелю. Я не шучу!

Мужчина покраснел от смеха, на глазах выступили слезы.

– Можешь стрелять, потому что я вообще не понимаю, что ты от меня хочешь. Ты случаем здание не перепутал?

Лис поднял пистолет чуть выше головы и выстрелил. Мужчина вздрогнул, но остался стоять на месте. Он пробежал глазами по окрестностям вокруг и приложил указательный палец к губам.

– Чшш, не шуми. Ребят разбудишь.

– Где статуэтка? Говори, или следующая пуля будет в лоб. Я клянусь!

Мужчина пристально смотрел Лису в лицо. Он чуть заметно опустил брови на глаза.

– Ну же?! – Продолжал Лис. – Веди меня!

Незнакомец развел руки в стороны.

– Мне идти задом?

– Повернись, черт тебя подери!

Улыбка не сходила с его лица. Мужчина развернулся и пошел прямо.

– Вы русские постоянно все усложняете. В каждой пачке сигарет ищите заговор.

Он остановился у дверного проема.

– А ты знаешь, я уже передумал. Я хочу на воздух.

Мужчина сделал резкий рывок рукой и включил на стене сигнализацию. В помещении вспыхнули красные лампы и завизжала пожарная тревога.

– Да какого хрена ты это сделал? Нас обоих арестуют.

Винючник спокойно повернулся.

– Тогда не нужно терять ни минуты. За углом выход. До стоянки восемнадцать метров. Там моя машина, на полу ключи.

Лис был в бешенстве.

– Нет, ты сначала отдашь мне его. Быстро вперед.

Мужчина не двигался.

– Пожарная часть в полутора минутах езды. Здесь собраны мировые шедевры стоимостью в миллионы. Полиция прибдет еще быстрее.

– Чертов псих! Где она говори, или убью! – Лис подошел вплотную и приставил еще теплое дуло ко лбу.

– Убьешь – провалишь миссию. – Он протянул Лису ладонь – Джеймс. Очень приятно.

Лис схватил заложника за шиворот и толкнул к выходу. Снаружи они перелезли через забор и побежали к стоянке. С обратной стороны здания уже слышался шквал сирен.

Они остановились у синего фиата.

– Ты за руль – скомандовал Лис и сел назад.

Автомобиль, не включая фар, выехал на дорогу и скрылся в темноте.

– И куда вас подвести? – спросил Джеймс.

Лис осматривался через заднее окно в поисках преследования.

– Не ерничай.

– Куда едем?

– Вези к себе, – сказал Лис и его обуял сухой кашель.

– Ты думаешь, мы на этой колымаге до Ливерпуля доберемся?

Еще мгновение назад Лис планировал застрелить этого клоуна, если тот еще раз попытается пошутить. Но сейчас он не смог удержаться от смеха.

– Не думал, что ты оценишь, – с гордостью сказал Джеймс.

Лис протер глаза. Шли вторые сутки без сна. Пугало только то, что на горизонте он не видел никаких предпосылок к отдыху.

– Я знаю, зачем ты все это делаешь. Ты пытаешься меня провоцировать, держать в постоянном напряжении. А еще ты уверен в том, что я ради задания готов на все: буду целовать ноги, танцевать перед тобой, умолять. Только ты ошибаешься англичанин. Мне плевать на тебя. Я вывезу тебя из страны. На первом же допросе ты расскажешь даже биографию своего двоюродного прадедушки. Это я тебе гарантирую. Не таких раскалывали. А будешь ерепениться я прострелю тебе ноги в коленях, и всю жизнь будешь ползать. Тебе ясно?

На этот раз улыбка померкла на его лице. Лис смотрел в глаза в отражении зеркала заднего вида и впервые читал в них обеспокоенность.

– Ты знаешь мое имя, а я не знаю твоего. Разве это справедливо?

– Иван.

– Приятно познакомиться, Айван.

– Не Айван, а Иван!

– Ииииван, – протяжно выговорил Джеймс. – Эй, а ты мне нравишься. Волевой, целеустремленный. У нас слухи ходят, что вы ребята стальные как яйца Сталина. Всегда хотел познакомиться с одним. Опыт перенять.

– Не дожدهшься.

– Угу. Обстоятельства не очень удачные, правда?

– Хватит заговаривать мне зубы! Думаешь, я настолько глуп?

Джеймс остановил автомобиль у трехэтажного жилого здания.

– Приехали.

Они вышли из машины. Лис шел сзади чуть поодаль. Пистолет был нацелен точно в область печени. Он не промахнется и Джеймс это знал. Лис тщательно оглядел окна, близлежащие здания и автомобили в поиске засады.

Они поднялись на второй этаж и остановились у квартиры под номером «22».

– Предупреждаю если там засада, тебя я точно заберу с собой.

– Неплохо, – подметил Джеймс. – Я запомню.

Англичанин распахнул дверь. Лис спрятался у него за спиной. Они медленно вошли. Квартирка была небольшой с минимум мебели. По внешнему виду Лис понял, что здесь прожили не больше пары дней. В других комнатах никого.

Лис сел на кушетку. Ноги горели от усталости. Джеймс стоял посреди комнаты, расправив руки в сторону.

– И что теперь?

– Ночью ты проведешь меня внутрь. Отдашь статуэтку и отвалишь, – Лиса снова проbral приступ кашля. На этот раз более продолжительного. Он решил, что надышался пыли в этом забытом богом подвале.

– Так просто отпустишь меня? Хм, разве вы не должны при случае убирать свидетелей. Тем более вражеских агентов? Я читал выдержки из ваших правил. Там четко сказано.

– Нет никаких правил, вы олухи, – перебил Лис. – Мы не убийцы.

Лис осознал, что последнюю фразу его рот выговорил с трудом. Он попытался повторить, однако язык уже не слушался. Его окутало бессилие. Голова неконтролируемо запрокинулась. Пистолет упал на пол. Уши с трудом могли разбирать звуки и отделять их друг от друга. Тело обмякло, упало на кушетку. Последнее, что он увидел перед тем как черная пелена окончательно поглотила его сознание: выбитая дверь; люди в масках с оружием избивают Джеймса; большие глубоко посаженные глаза через черную маску смотрят на него свысока.

– Ну и воняет от тебя, – сказал тот на чистом итальянском. Фраза эхом улетела в небытие.

Лис стоял в валенках по щиколотку в снегу и не мог пошевелиться. Мама что-то громко кричала. Она бежала навстречу со всех ног к своему маленькому сыну. Лис подумал, что мама должно быть очень расстроена и он – тому причина. Возможно, за это он получит ремнем. Как вчера. Только вчера он понимал за что.

Накануне Лис решил залезть на старый бабушкин сервант и перевернул полку. Много красивых стаканчиков разбились об пол. Мама была расстроена. Она кричала, затем почему то винила во всем папу, которого он никогда не видел.

Что он сделал сейчас? Стоит в нескольких метрах от дома. Нога застряла в толще снега. Мама прыгнула ему навстречу. Ногам стало холодно. Они кубарем упали в снег и все потемнело. Стало тяжело дышать. Будто сервант свалился на него в отместку за хулиганство.

Когда мама встала, Лис увидел свои валенки. Они разломились и теперь были вмяты в снег. Какой-то дядя вышел из красивой машины и громко закричал. Наверное, он тоже хотел наругать его. Зачем же он тогда проехал по его валенкам? В чем ему теперь ходить на улицу?

Лис встал и направился к дому.

Его голые ноги ступали по примятой свежей траве. В высоких зеленых кустах жужжали кузнечики; пчелы в изобилии наедались пыльцы, а разноцветные бабочки нежились на полуденном солнце. Он совершенно не понимал, куда направляется.

Теперь он бежит. Его преследуют. Сначала ты раздавило валенки, а теперь хочешь раздавить и его. Как бы быстро Лис не бежал, машина все равно догоняет.

Лис свернул в кусты, там ему не проехать. А как дальше? К мамке то придется вернуться. Пусть лучше его бьет, а не ее. Лис выдержит. Когда этот ублюдок заснет, он возьмет нож и всадит в его жирное пузо. Он обязательно отомстит.

Лис очнулся в одиночной камере на деревянной кровати без матраса. Его трясло от холода. Раны от крысиных укусов были наспех обработаны и обмотаны грязными бинтами.

Он обнял колени чтобы согреться. Неизвестно – какой сегодня день или час. По скромным подсчетам он здесь не меньше пяти дней. Сколько пролежал без сознания – неизвестно. Его десять раз водили на допрос. Правый глаз заплыл от многократных ударов; волосы прилипли к коже засохшей кровью; голова была раздута от многочисленных гематом. Лис знал не более, чем им уже было известно. Виктор рассказал все.

В одном он был даже благодарен. Они спасли ему жизнь, чтобы теперь медленно ее отнять. Потеря сознания стала первым симптомом геморрагической лихорадки. В обычных случаях болезнь развивается медленней. Но, учитывая множество очагов крысиных укусов, и как оказалось ослабленный иммунитет, болезнь одолела мгновенно. Первые дни рвало безуданно; кишечник сжимало горячими тисками. Он бился в бесконечных конвульсиях. Врачи кормили отвратными пилюлями – это помогло.

Затем в дело вступили сотрудники итальянской контрразведывательной службы «Д» (Дифеза). Они требовали раскрыть личности всех нелегалов в стране. Нужно отдать им должное – им хорошо известны подробности профессиональной подготовки советских

разведчиков. Поэтому ребята из Дифезы выбрали самый проверенный на их взгляд способ – не верить не единому слову, пока не услышат то, что хотят. Они не скупились любыми методами воздействия. Возле камеры ставили людей, которые без умолку кричали, скрежетали зубами, плакали, умоляли о помощи. Каждый полчаса в камеру входил охранник. Лис обязан встать, иначе подвергался жестокому избиению. Все тело покрывалось черными синяками, отчего он стал похож на африканца.

Лис сидел в углу крохотной камеры, поджав онемевшие ноги. На голову капал конденсат с потолка. С замиранием сердца, он слушал любые шорохи за дверью. Дифеза не отступит. Его либо замучают до смерти, либо используют как разменную монету в торге с СССР. Свои от него откажутся, без зазрения совести – это правильное решение. Отправляясь в любую точку мира, он брал на себя всю полноту ответственности и в случае провала был вынужден разгребать все в одиночку. Этому учили. К этому готовили психику.

Однажды во время учебки, его подняли ночью с кровати три человека в маске. Связали и увели в маленькое помещение, где пытали несколько суток, не давая ни еды, ни воды. Гадить приходилось под себя. Раздевали догола, а затем в помещении понижали температуру. Все это время на голове был мешок, и уже на второй день началась клаустрофобия. Все это сопровождалось постоянными стуками по стенам, скрипом металла, шуршанием целлофана. Люди кричали нечеловеческим голосом прямо в уши. И всего-то ему требовалось рассказать меню своего ужина накануне. Как сейчас он помнил – это была солянка и пюре с голубцом.

Сидя в своей камере на холодном бетоне, он представил сочный голубец и горячий бульон солянки. В желудке защемило.

На последние сутки Лис почти потерял рассудок. Еще немного и больше никаких вопросов он вообще не сможет воспринимать. Это было самым тяжёлым и полезным испытанием. Местным итальяшкам стоило бы поучиться, тому, как нужно раскалывать людей. Не достаточно просто причинить физическую боль, ее можно выключить и этому его тоже обучили. Гораздо эффективней вторгнуться в сознание, унижить, изничтожить человеческую сущность.

К камере приближались шаги. Сердце съежилось до размера грецкого ореха. Замок повернулся несколько раз. Дверь со скрипом отворилась. В комнату ворвался невыносимо яркий свет. Лис сжался в углу, прикрыл глаза руками. В проеме стояла черная тень.

– На выход! – скомандовала она.

Лис прошуршал спиной вверх по стене. Каждый шаг давался ему с невыносимым трудом. Он приближал его к очередным пыткам и на этот раз Лис не уверен, что выдержит. Тело изнывало от бессилия вследствие симптомов лихорадки и отсутствия нормального питания. Кожа на лице и шее покрывалась паутиной кровоизлияний.

Конвоир отошел на шаг назад, чтобы дать ему проход. Глаза все еще не могли привыкнуть к свету. Впервые провожающий был один. Вероятно, они решили, что Лис больше не представлял никакой опасности. К сожалению, они были правы.

Конвоир закрыл камеру и повел заключенного по коридору. Свет исходил из нескольких почерневших от пыли лампочек, однако и этого было достаточно, чтобы слепить его привыкшие к темноте глаза. В небольшое окно под потолком Лис заметил, что снаружи уже ночь. Ноги плелись босиком по холодному камню. Из-за рта выходил ледяной пар.

Когда они дошли до нужного поворота, Лис продрог так, что начинал терять сознание. Он уже знал дорогу, поэтому без команды конвоира повернул направо. Внезапно мужчина схватил его за плечи и повел прямо, ускоряя шаг. Не проронив ни слова, он толкал заключенного в неизвестном направлении.

В какой-то миг Лису показалось, что он уже не шевелит ногами. И действительно, конвоир нес его на руках.

Лис почувствовал укол в плечо. Через мгновение волна тепла окатила его с головы до ног. Окружающий мир обрел четкость, мышцы приятно покалывали.

Он пришел в себя на заднем сидении фиата. Приподнялся. Автомобиль стоял на слабоосвещенной улице у большого серого здания. Лис сразу узнал его – советское посольство в Италии.

Спаситель – конвоир повернулся с водительского сидения. Лицо украшала широкая белоснежная улыбка.

– А ты молодец Айван. Не то, что твой дружок. Уважаю идейных.

Джеймс завел машину и указал взглядом на вход.

– Здесь тебя не достанут.

– Почему? – слово пришлось выжимать из сухой глотки силой.

– Я же сказал, что ты мне нравишься. Только не советую тебе говорить своим обо мне.

За измену сядешь. Считай это моей услугой коллеге.

Лис еще раз осмотрел окрестности и попытался вспомнить предшествующие события. Нет, он действительно не спал.

– Тебя ведь тоже арестовали.

Джеймс почесал подбородок.

– Скажу так. У МИ-6 хорошие связи с итальянской разведкой. Думаю ты заметил, что у КГБ не очень.

Джеймс рассмеялся, но увидев опустошенность в лице Лиса, быстро замолчал.

– Я не могу здесь долго оставаться, – сказал Джеймс.

Лис вышел из машины, не проронив ни слова.

– Прощай Айван.

Когда автомобиль уже скрылся из виду, Лис постучал в дверь. Единственное, что он помнил в последующие дни это – бесконечные уколы и горсти таблеток. Через неделю его тайно переправили в Москву. Около месяца он пролежал в больнице, отвечая каждый день на одни и те же вопросы. Всю вину за провал операции он взял на себя, чем сильно разочаровал руководство ПГУ КГБ. Историю побега от итальянской контрразведки он выдумал. К моменту возвращения главный секретарь ЦК КПСС Черненко умер. Новый генсек Горбачев только вступил в должность и слабо представлял происходящее в ПГУ. Провал операции спустили на тормоза. Лиса отстранили от нелегальной деятельности на несколько лет. А к концу восьмидесятых снова отправили на передовую. На этот раз в Германию защищать государственные интересы ГДР.

Виктор вернулся на родину через год в результате обмена на захваченных ранее итальянских разведчиков. К его большому удивлению, его встретила не тюрьма за измену родине, а распростёртые объятия семьи и коллег. Лиса среди них не оказалось. Он посчитал, что и так сделал для него сверх меры. Они встретились через много лет, уже после распада страны, которую защищали. Виктор попросил прощения и пообещал отплатить, если не в этой жизни так в следующей.

Глава 4

Мадрид. Испания

Лис открыл глаза. Посмотрел на часы. Почти 19.00. Чтобы добраться до больницы требуется минимум час.

– Как же так? – рассердился он на себя, вскакивая с кровати.

Надевая одновременно штаны и футболку, он свободной рукой наклеил массивные брови и усы. На голову нацепил парик. Аккуратно за поясом расположились дымовые шашки.

Лис выскочил на улицу и остановился у дороги, чтобы поймать такси.

Из-за угла выехала белая Шкода с красной полосой на дверях. На крыше мерцало электронное табло с надписью «ТАХИ»

– Такси!

Он выступил на проезжую часть. Водитель с визгом затормозил, затем выпрыгнул из машины со злобным оскалом.

– Эй, ты что делаешь?!

– Медицинский центр Парла. Двойная цена если доедем за сорок минут.

Лис сел на заднее сиденье.

– Вот это разговор, – водитель засиял от радости. – Держитесь сеньор. Сейчас я вам покажу, на что способна эта малышка. Только твердая она, мать ее. Не отбейте себе там чего на кочках. Йихаа.

Лис боролся со сном всю дорогу. Ему требовалась хорошая взбучка волнения и страха, чтобы поднять уровень адреналина и побороть побочный эффект обезболивающих.

Такси примчалось к центральному входу больницы через тридцать семь минут.

Лис вошел внутрь. Холл оказался пуст, не считая одиноко сидящей Пилар Перес, за своим компьютером у стойки регистратора. С правой стороны располагался вход в техническое помещение для обслуживающего персонала.

– Буенос ночес сеньора, – сказал Лис на испанском и уверенно проследовал к дверям, все дальше отдаляясь от взора девушки. Он надеялся, что его акцент она спишет на каталонское происхождение.

– Здравствуйте. Простите, кто вы? – спросила Пилар.

Лис остановился и достал карточку. Не двигаясь с места, вытянул руку в сторону стойки. С расстояния почти в двадцать метров разобрать надписи и фото в приглушенном свете не представлялось возможным. Кроме того, он не хотел лишний раз давать ей повод узнать в нем старика, устроившего переполох несколько часов назад.

– Гарсия Лопез. Я уборщик сеньора.

– Разве вы не знаете Гарсия, пропуска в конце рабочего дня должны быть сданы регистратору. Почему вы забрали его с собой?

– Простите сеньора. Это моя вторая смена. Наверное, я не совсем понял правила. Прошу прощения, этого больше не повторится.

– Иди, работай, и к тому же ты опоздал.

Пилар подняла глаза на часы – «9:55». До конца рабочего дня она обязана принять карточки всех уходящих сотрудников, а также все ключи и запереть главный вход. Учитывая, что большинство пациентов являлись осужденными преступниками – в больнице содержался большой штат охраны. Как правило, на ночь оставалось не больше десяти охранников, три дежурных сестры, врач и двое санитаров.

Пилар взглянула в зеркало. На нее смотрело милое симпатичное лицо, с карими глазами и длинными родными ресницами. Чуть выделенные скулы обрамляли красивые объемные губы. Девушка выглядела измотанной. Белки покрылись красной паутиной сеткой; под глазами надулись мешки; голова от часа к часу тяжелела; усталость стягивала ноги и руки.

Она вспомнила бедного седовласого мужчину, едва не погибшего утором у нее на глазах. После того как его увезли в больницу, Пилар несколько часов не могла найти себе место. Пришлось выпить две таблетки успокоительного, чтобы снять дрожь в руках. И теперь она мечтала только об одном: принять горячую ванну, отключить телефон, закапаться в свои мягкие подушки и спать до обеда. Для полного счастья не помешал бы хороший секс, но, к сожалению, с последним парнем она рассталась два месяца назад, а на примете никого. Был только Эммануэль, но с каждым днем она теряла надежду, что он хоть когда-нибудь обратит на нее внимание. Конечно, она могла надеть короткую юбку, заявиться в ближайший бар и ночь сносного секса ей обеспечена. В таком случае она бы пошла в разрез со своими принципами, установленными в детстве заботливыми родителями. Однако с каждым днем воздержания – она полагала, что все-таки решиться на это.

От желанного похода домой ее отделял последний человек. Тот самый забывчивый уборщик. Мало того, что он опоздал на работу, да еще и медлил с окончанием смены. Если в первый раз она погорячилась, пообещав себе пожаловаться на него Санчезу, то теперь точно это сделает.

Часы показывали уже «10.07». Он должен был покинуть больницу семь минут назад. Пилар разозлилась и, осыпая уборщика проклятиями, проследовала к двери. Внутри в нос врезался запах едких чистящих средств вперемешку с потом. Пилар включила свет. Пусто.

– Гарсия!?

Голос тромбоном пронесся по холлу так, что Пилар испугалась собственного эха.

Она пролистала журнал распределения территорий. Судя по записям, составленным Санчезом, Гарсия Лопез должен убирать второй этаж основного блока и лестничные пролеты.

Преисполненная еще большим гневом Пилар поднялась по лестнице. Второй этаж главного корпуса состоял в основном из процедурных кабинетов и комнат отдыха. В ночное время он пустовал.

Она остановилась на входе. Свет уличных фонарей пробивался через дверные щели закрытых кабинетов, узкими дорожками подсвечивая коридор. Покачивающиеся от сквозняка жалюзи наигрывали леденеющую душу мелодию. Пилар прищурилась в попытке разглядеть в темноте хоть какие-нибудь силуэты.

Еще мгновение назад полная решимости идти по стопам уборщика, она замерла, не рискуя сделать шаг в темноту.

– Гарсия, ты здесь? – негромко сказала она, словно боясь разбудить призраков, – ну и черт с тобой, я пошла жаловаться охране.

Внезапно, перед ней возник черный силуэт. Она в ужасе закричала, но ее голос тут же потух в ладони незнакомца. Паникуя, Пилар пыталась вырваться. Мужчина рывком развернул ее лицом к стене и придавил. Второй рукой обхватил ее запястья в замок.

– Замолчи, я тебе ничего не сделаю! – прошептал он на ухо.

Она разрыдалась, мысленно умоляя не убивать ее. В голове мелькали фотографии маньяков-насилльников, личные дела которых она просматривала сегодня весь день. Ей не хватало воздуха, в глазах начало темнеть.

– Я тебя не трону. Обещаю. Ответишь на несколько вопросов. Я сразу же уйду.

Пилар узнала этот голос.

– Сейчас я уберу руку. Кричать не пытайся, охрана тебя не услышит. Камеры пишут без звука.

Пилар многократно кивнула. Он медленно убрал ладонь. Она начала жадно глотать воздух, словно запыхавшийся пес, которому только что сняли намордник.

– Пациент Джеймс Гаррисон. Я знаю, ты понимаешь о ком я. Как мне его найти?

– Я... я не знаю, – она испугалась собственного голоса. – В восемьдесят восьмом его перевели в 313 палату. Больше туда никого и никогда не селили.

– Он жив?

– Я не знаю, сеньор. Если бы не ваш звонок и ошибка в нашей базе данных, я бы никогда о нем не узнала. То крыло особо охраняется.

– Как мне пройти туда?

Пилар попыталась посмотреть в сторону предполагаемого пути, однако ее лицо было крепко прижато к стене.

– Прямо по коридору, направо, затем переход во второй корпус, потом по лестнице на третий этаж.

– Сколько там охранников?

– Никого, все внизу.

– Дона Пилар, – разочаровано произнес он, – Не нужно усложнять ситуацию враньем. Тебе не к лицу.

– Я не... – попыталась оправдаться она.

– Дверь налево – два санитара и медсестры смотрят телевизор. На третьем этаже вахта с двумя охранниками. Затем дверь в отделение для буйных больных.

– Откуда вам это известно?

– Мне нужна твоя помощь Пилар Перес – попасть в 313 палату, во что бы то ни стало.

Подул сильный порыв ветра. Алюминиевые жалюзи встрепенились. Пилар перепугалась до хрипоты.

О нприжал ей голову локтем правой руки и прохрустел каждым левой пальцем по очереди.

– Добудь мне ключи от блока и палаты.

– У меня их нет. Только у главного врача и охраны.

– Зато у тебя есть доступ в кабинет главного врача, правильно?

Пилар не ответила.

– Правильно?

– Ключ от кабинета в шкафчике у моего компьютера. Можете спуститься и взять. Кабинет 118.

Он отпустил руки и отошел на шаг.

– Нет дона Пилар. Мы идем вместе.

Она медленно повернулась. В его руке отблеском мелькнул пистолет.

В этот самый момент она вспомнила свое детство, когда мальчишки из класса играли в игру: они завязывали глаза, растягивали ватман с нарисованной кирпичной стеной и прыгали насквозь. Пилар что есть мочи вжалась в стену. Сейчас она бы все отдала, чтобы стена стала мягким ватманом, дабы провалится на другую сторону и спастись.

– Что вы сделали с Гарсия?

– У него сегодня выходной, – ответил он и указал на выход. – Я пообещал, что не трону тебя. Слово свое держу.

– Откуда мне знать, я вас не знаю.

– Пошли. Делай то, что я говорю, и все это быстро закончится.

Пилар пошла вперед, не спуская глаз с оружия.

Они вышли в главный холл. Он следовал за Пилар по пятам, ткнув за собой ведро со шваброй.

– Иди уверенней. Расслабься.

Пилар вытащила из тумбочки ключ-карточку от кабинета главного врача и направилась в сторону второго блока. Проходя по пустынному коридору, она подняла глаза к камере в надежде, что та зафиксирует ее немой крик о помощи.

– Не смотреть на камеры.

Они подошли к кабинету главврача. Пилар вставила карточку в замок. Датчик отозвался красным запретительным сигналом. Пилар повторила процедуру. Снова запрет.

Она в испуге повернулась к нему.

– Ключ не срабатывает! Он, должно быть, сменил замок, а запасную карту не оставил. Так уже бывало. Сегодня приходил техник...

Он, молча подошел к двери, вытащил из кармана карту и вставил в замок. Тот приветственно щелкнул. Пилар в ужасе взглянула на него.

– Я не понимаю, зачем ты создаешь лишние проблемы? Неужели ты думаешь, я настолько глуп и не проверю какой ключ ты взяла?

Она боялась даже подумать о чем то. Казалось, он читает ее мысли.

Он толкнул дверь. Пилар почувствовала знакомый аромат.

– Пилар? – воскликнул удивленный мужской голос.

– Эммануэль! – выговорила Пилар. – Ты меня напугал.

Она натянула улыбку. Заведующий вышел из туалета в десяти метрах и теперь медленно вышагивал по направлению к ним.

– Что ты здесь делаешь? Разве ты не должна быть уже дома?

Ее сердце отчаянно забилося. Наступила тишина, показавшаяся ей вечностью.

– Сеньора Перес попросила меня вымыть кабинет сеньора Сантьяго. Она сказала, завтра утром полы должны быть как стекло, – сказал уборщик и опустил голову вниз, сделав вид, что копошиться со швабрами.

– Да, с улицы натащали грязь за весь день – подхватила Пилар. – А завтра у сеньора Сантьяго рано утром встреча с гостями из Германии.

Эммануэль поправил очки.

– Я говорил с ним два часа назад. Он сказал, что будет только к обеду.

– Он позвонил полчаса назад. Наверное, сменились планы. Поэтому я задержалась, чтобы самой проконтролировать.

Эммануэль пожал плечами и пошел дальше.

– Ты, пожалуйста, в следующий раз меня предупреждай. Я должен знать обо всем, что происходит, когда дежурю.

Заведующий скрылся из виду.

– Да, конечно.

Уборщик одобрительно взглянул на нее. Ствол пистолета все еще отчетливо выделялся из-под его одежды.

Зайдя внутрь, Пилар принялась копаться на столе.

– Аккуратней дона Пилар. Мы не ищем, а прибираемся, – сказал Лис, указывая взглядом на камеру.

Он отжал наконечник швабры и принялся натирать полы вокруг длинного дубового стола для конференций. Затем ополоснул маленькую тряпку и начал вытирать пыль с полок шкафа.

Его внимание привлекла книга Эдгара Алана По, слегка выпирающая из общего ряда произведений на полке. Вместо названия на ней располагались две буквы «JG» аккуратно выведенные карандашом. Лис бился об заклад, что у автора самых мрачных рассказов девятнадцатого века не было произведений с подобным названием.

Лис потянул книгу на себя. На поверку та оказалась шкатулкой, умело имитирующей книгу. Внутри лежал какой то хлам. Не теряя времени, он заслонил собой обзор камеры и высыпал содержимое в карман.

– Нашла! – салютовала Пилар.

В руках она держала связку из нескольких десятков карт.

– Какая из них? – спросил Лис.

– Этого я не знаю. Правда.

На каждой карте располагались беспорядочные буквы и цифры.

– Откуда мне знать, что ты меня снова не обманываешь?

У Пилар затряслись руки.

– Первая буква это обозначение блока. Видите. Блок «Е».

Лис сунул карты в карман.

– Ну, так я сделала все, что вы хотели. Вы обещали отпустить меня. Дальше я не смогу идти с вами, у меня нет туда доступа. Они сразу заподозрят неладное. Я спущусь вниз и покину больницу. Обещаю, что никому ничего не скажу.

Лис сделал резкий жест рукой, чтобы она замолчала. Затем вытащил из кармана еще одну ключ-карту и вышел в коридор. Прошел несколько метров вплотную к стене и кротким ударом шваброй задрал в потолок ближайшую камеру. Далее открыв картой дверь соседнего кабинета, он вытащил из-под одежды дымовую шашку и забросил внутрь. Вторую швырнул в кабинет главного врача.

– Что вы делаете?! – с негодованием спросила Пилар.

Лис направился к датчику пожарной сигнализации, выломав крышку, он вдавил кнопку. Загудела сирена, включилось аварийное освещение. Клубы едкого дыма вытекали через щели, заполняя коридор.

Схватив Пилар за руку, Лис устремился к лестнице.

– Куда вы? Отпустите!

Они выбежали на лестничный пролет. Сверху доносились крики и шум надвигающейся толпы.

– Эвакуация! Всем покинуть здание! – прокричал Лис.

Он отпустил ей руку.

– Обратно не возвращайся. Задохнешься. Беги вниз со всеми.

Навстречу по лестнице в сопровождении охранников и персонала бежали пациенты. Некоторых несли на руках. Женщина преклонного возраста, требовала сопроводить ее в прачечную чтобы выстирать любимое платье. Охранник толкнул ее коленом в спину, обозвав старой клячей. Споткнувшись, она упала на лестницу, разбив лицо. Следом об нее запнулись еще несколько человек и кубарем покатались вниз. Охранник, как куклу подхватил женщину за шкурку и потянул за собой.

– Я возьму ее, – завопил ординатор, перехватив несчастную.

– Что встали придурки? Быстро вниз! – прокричал охранник Лису и Пилар.

Едкий дым заполнял лестничные пролеты, поднимаясь вверх.

Пилар смешалась с толпой.

Лис вынул ключи и протянул охраннику.

– Главврач сказал доставить ключи, чтобы эвакуировать блок «Е».

Охранник толкнул Лису и тот с трудом удержался за перила.

– Быстро вниз умник. Наверху напарник сам справится. Снаружи есть эвакуационная лестница.

– Ты не понимаешь, – возразил Лис. – У него нет ключей от палат, только от блока. Они же сгорят.

Охранник поморщился, затем достал рацию.

– Рауль, ты эвакуировал блок Е? – рация неразборчиво шипела. – Рауль!?

Нет ответа.

– Долбаный кусок дерьма. Ладно, давай ключи. Вали теперь отсюда!

Охранник побежал наверх. Лис незаметно пошел следом.

Пилар бежала на второй этаж чтобы скорее сообщить: пожар – это обман. Выбежав в коридор второго этажа, она ужаснулась. В кабинетах полыхали ярко желтые языки пламени. Ее охватил жар; горло сдавило удушьем; в глазах мелькала разноцветная мозаика. Кто-то схватил ее за руку, резко потянул. Последнее что она запомнила: глаза мужчины в массивной каске, который нес ее на руках.

Сквозь толстые стены больницы доносились звуки сирен экстренных служб. Учитывая характер учреждения, на подмогу полиции прибыл спецназ и несколько охраняемых автобусов.

У входа на третий этаж Лис догнал охранника и всадил ему в спину заряд шокера. Тот задержался как рыба на крючке, затем повалился на лестницу без чувств.

Помещения третьего этажа уже были сильно задымлены. Лис понял, что перестарался с имитацией пожара.

Обросшими метастазами легким катастрофически не хватало воздуха.

Лис направился к блоку «Е». Дверь была распахнута. В конце коридора было открытое окно, ведущее к эвакуационной лестнице. Охранник сбежал. Двери палат закрыты. Узники в отчаянии молили о помощи. Те, кто был не привязан, колотили по стальным дверям.

Лис почувствовал рябь в глазах. Резко разболелась голова. Он упал на одно колено. Нельзя сдаваться. Нужно их спасать. Вставай! Вставай! Вставай!

В помещении резко поднялась температура. Лис рывком оторвал пуговицы спецодежды, сжимавшей шею. Он поднялся и, опираясь на стену, направился в конец коридора, отпирая попутно каждую дверь.

Пациенты в белых тонких халатах тут же выбегали следом. Те, кто был привязан к койкам, кричали проклятия, умоляли освободить. Лис не мог тратить на них время. Вскоре сюда должны пробраться пожарные – это их работа.

Лис добрался до последней двери у самого окна. Перегнулся наружу, чтобы сделать несколько спасительных глотков кислорода.

– Всем сюда! – кричали сзади.

Пожарные уже на этаже.

Лис открыл дверь палаты «313». В маленькой комнате посередине стоял Джеймс Гаррисон. В его иссохшем до костей теле с трудом можно было узнать, когда то крепкого мужчину. На лице свисали морщины. Длинные седые локоны, растущие с боков облысевшей головы, лежали на коричневых плечах. Несмотря ни на что это был Джеймс.

Он смотрел пустым взглядом перед собой и не шевелился.

– Джеймс это я, Айван. Я здесь чтобы помочь тебе, – Лис схватил его за плечи.

Они вышли в коридор. Джеймс механически переставлял ноги.

Перед беглецами возникла мощная фигура пожарного. Он что-то говорил, но Лис не смог разобрать речь. Лис направился к окну. Пожарный отдернул его, приподнимая маску.

– Туда нельзя, конструкция обрушилась. Нужно идти по лестнице.

– Я его вытащу, – сказал Лис, запрокидывая руку Джеймса себе на шею. – Помогите привязанным.

Пожарный сунул ему в руку небольшой переносной баллончик с кислородом. Лис сделал несколько вдохов. Жизненная сила приятно потекла по телу.

Они пошагали к лестнице. Лис приложил маску к лицу Джеймса.

– Джеймс, это Айван! Ты меня помнишь? Рим, тридцать лет назад. Ты спас мне жизнь, – Лис пытался перекрыть оглушающий гул сирен. – Джеймс! Да очнись же.

Лис заметил, как зашевелились его губы. Ему не нужно было слышать, он без труда умел читать по губам.

«Рауль Весге»

Продвигаясь вперед, Джеймс без умолку повторял это имя. Затем вложил Лису в ладонь клочок бумаги.

Когда они оказались на лестнице произошел оглушающий хлопок.

Далее Лис уже не чувствовал пол под ногами. Его пронзила резкая боль. Джеймса уже не было рядом. Лис упал на лестницу, кубарем скатился вниз.

Вокруг стояли клубы пыли. В метре от него, погребенный под тяжелыми бетонными обломками Джеймс, смотрел на него мертвыми глазами. Игрушечный пистолет Лиса разломился напополам.

Лис очнулся в машине скорой помощи под гнетом худосочного врача и двух медсестер. Он сделал несколько приятных вдохов в кислородной маске, вскочил с кровати и схватил первый попавшийся под руку предмет. Пригрозив перепуганным людям острыми ножницами, он потребовал остановить машину и скрылся в темноте ночного города.

Глава 5

Рамон Весге Карлитос с самого рождения был особенным ребенком. Вместо игрушечных машин и пластиковых пистолетов, он играл с каменными статуэтками и бронзовыми наконечниками, изготовленными три тысячи лет назад во времена правления египетских фараонов, а иногда и с останками их же мумий. К семи годам он уже знал больше сотни египетских иероглифов, ориентировался с закрытыми глазами внутри Великой пирамиды в Гизе и объехал с отцом значительную часть памятников Египта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.